

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Září 1933.

Volné Kozáctvo

Ročník VI.

10-го сентября 1933 г.

136

10-го вересня 1933 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Угроза Казачеству голодом. (Hrozba Kozáctvu hladem).
2. Петр Крюков: ** (Verše).
3. Борис Кундрюцков: ** (Verše).
4. И. К. Скубани: Абрек. (Verše).
5. С. Савицкий: ** (Verše).
6. В. К. шлях — Казачий Шлях. (Cesta V. K. — Kozácká cesta).
7. Т. Стариков: Участие казаков в бою с турками под Веной 12 сент. 1683 года. (Kazáci v boji s turkami u Vidně 12. září 1683).
8. Филипп Якименко: Восстание казаков ст. Старощербиновской (апрель 1918 г.) (Povstání kozáků stanice Staroščerbinovské v dubnu 1918).
9. Влад. Куртин: Черный всадник. (Černý jezdec).
10. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
11. Печать. (Pressa).
12. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
13. В Казакии. (V Kozácku).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Италия. — Н. П. — Большое спасибо. Привет.
Банат. — Г. А. — Получено. Привет.
Бельфор. — Ф. Ж. Получено. Привет.
Франция. — В. Дол... — Получено. Привет.
Франция. — А. Ильин... Получено. Привет.

Париж. — И. Е. — Получено. Привет.
Княжевац. — И. Н. — „П. К.“ получена. Привет.
Бельгия. — Н. Б. — Спасибо за доброе слово. Привет
Конк. — И. Б. — Получено. Привет.
Брно. — С. М. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Безуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Н. М. Дмитренко — Београд.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine, Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. UGINE.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

В БЕЛЬГИИ:

И. П. Егоров. Bruxelles.

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор: инж. И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchecoslovaquie.

№ 136

Воскресенье, 10 сентября, 1933 = Неділя, 10 вересня, 1933.

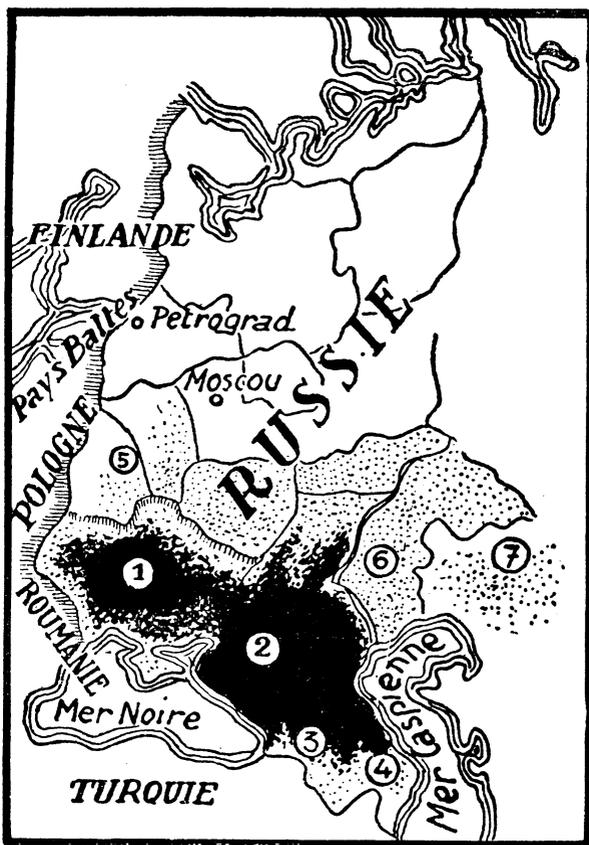
№ 136

Угроза Казачеству голодом.

Страшные вести — одна страшнее другой — идут из наших Краев. Оккупационная власть красной Москвы морит Казачество голодом. Казачество стоит перед прямою угрозой гибели. Ограбленное и обобранное, обессиленное большевизмским террором — расстрелами и высылками, измученное морально, население Казачьих Земель, не склонившее своей головы перед поработителями, уничтожается ныне голодом, намеренно организованным красными оккупантами. Мрет с голода народ, который в своей истории не знал вообще, что такое голод.

Перед ужасом современного положения Казачества бледнеют ужасы татарского нашествия; спортивным развлечением кажется столетняя борьба Казачества с турками; мелкими стычками рисуются набеги крымских татар; грозный удар Петра уже не может спорить с непрерывным давлением Сталина, а рассеяние Казачества Екатериной по своим последствиям осталось далеко позади практики рассеяния современного...

От татарского нашествия Казаки уцелели. Больше того: вели даже тогда свою политику — иногда шли с татарами, иногда с русскими князьями... В многовековой борьбе с турками и крымскими татарами (неверными, бусурманами!) чаще были стороной нападающей. Оглядываясь назад, нельзя удержаться от признания, что войны турецко-казачьи для обеих сторон служили больше — и особенно для казаков больше — военной практикой... Оправилось Казачество от удара Петра... Собралось из рассеяния и после Екатерины... И только сейчас во всей их остроте встают страшные и грозные вопросы: уцелеет ли Казачество от нашествия русских рабочих и крестьян? Выдержит ли оно непрекращающиеся стычки и столкновения с московскими оккупантами? (Столкновения казаков с турками и татарами были куда легче, ибо чередовались с годами

Карта голодных районов в СССР, взятая из Парижской газеты „Mafin“ 30 августа с. г.

1. Украина, 2 и 6. Казачьи Земли, 3. Грузия
4. Азербайджан, 5. Белоруссия, 7. Казакстан (киргизы).

отдыха и покоя!). Оправятся ли Казачьи Земли от непрекращающегося ни на минуту давления Московских Сталиных и Молотовых? Соберется ли Казачество из по-большевизмского рассеяния?...

Татары, если и брали дань (далеко меньшую, чем берут сейчас братья русские), то

Казачьих Земель не колонизовали. Было время, когда иноверные турки спасали Запорожье. Казачьи территории вышли целыми и даже расширились в войнах и столкновениях с неверными. Единоверный царь Петр первым посягнул на казачью землю. Единоверная царица Екатерина первая колонизовала казачьи территории Запорожья русскими помещиками. Ныне тоже единоверный русский мужик под водительством своей „народной власти“ колонизует Казачьи Земли. А чтобы эта колонизация была „верной“, стрелял казаков и выселял их; когда же и это не помогло, организовал голод... И не знаем мы, знает ли человеческая история проявления такой жестокости и бесчеловечности, какие проявляют в настоящее время правители из красной Москвы на Казачьих Землях. Мы знаем в истории „победные шествия“ и погромы варваров побежденных ими народов. Но, варвары побеждали, громили и... уходили. Современные варвары пришли, разграбили, завели рабство и уходить сами совсем не собираются — наоборот, хотят уничтожить Казачество до конца, чтобы освободить землю для Воронежского мужика.

Почему население Казачьих Земель сейчас голодает? Почему голодает народ, не знавший никогда, что такое голод? Не хочет он работать? Перестала родить казачья земля? — Нет, и люди работают, и земля родит. Но голода хотят оккупанты (не для себя, конечно).

Сначала разоряли Казачьи Земли московские товарищи непомерными натуральными и иными налогами. Потом взяли у казаков лучшую землю и живой и мертвый инвентарь для советских колхозов, большинство в которых — пришлые чужаки, „жадные на казачью землю“. Все это время стреляли и выселяли. С прошлого же года оккупанты начали забирать у казачьего населения фактически весь урожай... В этом бесчеловечном грабеже и лежит причина голода.

Такую же политику Москва ведет и в отношении Украины и других „непокорных“ народов.

В самой России (Великороссии) голода нет — там как раз и едят хлеб, отнятый буквально от голодных ртов в Казачьих Землях и на Украине.

Сами большевики голод долго скрывали. Даже и сейчас они заявляют, что хлеба в стране достаточно, достаточно настолько, что могут даже вывозить его за границу. Да, это правда, хлеба в стране достаточно, но есть его там может не всякий.

Несмотря на всяческое желание оккупантов скрыть подлинное положение вещей, известия о голоде все чаще и чаще проникают в иностранную прессу. Приносят эти известия беглецы оттуда, привозят чужие туристы, передают корреспонденты иностранных газет и журналов, сообщают подробные сведения чужие консулы

и дипломатические представительства. Из всех этих сведений вся ужасная картина голода установлена совершенно достоверно. В французской газете „Matin“, в номере от 30 августа, помещена даже и карта распространения голодного бедствия (см. первую страницу). На карте этой, где черной краской отмечены голодающие районы, мы видим, что Казачьи Земли поражены голодом больше всех — все черно! Украина захвачена не вся, есть и места серые, Казачьи же Края все черные...

На той же карте мы видим, как черные и серые районы постепенно бледнеют и переходят в белые по направлению к Великороссии — там, повторяем, голода нет.

Положение голодающих усугубляется тем, что оккупанты сами не признают никакого голода. Казачья эмиграция не может оказать даже той помощи, на какую она была бы способна, ибо всякое сношение с эмиграцией там преследуется, а о сношении эмиграции со своей Землей — в каких бы то ни было формах — не приходится, конечно, и думать. Вряд ли можно много надеяться сейчас и на появление нового Хувера...

Положение усложняется еще и современной международной конъюнктурой. Не могущая сговориться между собою Европа попеременно „играет“ с большевиками. Десять лет играла Германия против Франции, теперь начинает играть Франция, стараясь заполучить в свой лагерь Московское пугало против Германии. Возможно, что следующим игроком будет Сев. Америка против Японии... Не будем говорить в данном случае о последствиях такой игры для играющих — вероятно и сами игроки, если они хоть немного искренны и не слепые, знают цену и своим „восторгам“ и своим расчетам... К несчастью нашему, каждые очередные игроки, в желании видеть своего партнера „сильным“, не только закрывают глаза на непрекращающуюся в СССР борьбу народов за свое освобождение, но и становятся в этом споре на сторону Москвы — в своих собственных интересах. Мы — в наших интересах — не можем желать успеха самим игрокам...

Вывод же из всей обстановки тамошней и внешней для Казачества один: какой угодно ценой поставить вопрос о скорейшем освобождении Казачьих Земель — никакая цена и никакие жертвы не будут велики по сравнению с ценой и жертвами, какие платятся и приносятся сейчас там Московским оккупантам.

Что же касается настоящего голода, то как бы ни был слаб наш голос, как бы ни казался безнадежным наш призыв, мы все же обращаемся к внешнему миру, ко всем тем, кому не чужды благородные человеческие чувства сострадания, обращаемся как люди к людям: Помогите!

S. O. S.

Петр Крюков. (Франция).

* * *

Пройдут унылой чередой
И канут в вечность наши годы,
Но на поверхности земной
Жить как и встарь будут народы.

Под солнцем место отобьем
Мы для Казачьего Народа:
Мы победим или умрем,
Не посрамив своего рода!

Пройдут лета. В кругу казачьем
Потомки наши помянут
Тех, кто с отвагою — не плачем —
Рискунул стяг Воли развернуть.

И жгучий стих всех наших песен
Бесследно в мире не пройдет:
Народ Казачий в сонме песен
Своих поэтов помянет.

Он помянет всех, кто за Волю
Казачью мучился, страдал;
Борясь за свой народ и долю,
Своею жизнью рисковал.

И проклянет народ наш вольный
Всех тех, кто Воле изменял
И ради личной жизни подло
Народ свой в рабство предавал.

И лучше-б вовсе не родиться
Потомкам этих игроков,
Чтоб не пришлось и им стыдиться
Перед Народом Казаков.

Проклятье будет на потомках
Того, кто Воле изменил
И в своих маленьких душонках
И честь и совесть схоронил!

А вам же, рыцари народа
Казачьей издревле Земли,
Вам — слава в род пройдет из рода —
Благословят вас казаки!..

21-VIII-1933 г.

Борис Кундрюцков. (†).

* * *

Край — Казакия... таинственный... мятежный!
Что своим сынам он подарит —
Или конь, как голубь, белоснежный
Атамана нового примчит?..

Иль скрипеть, качаясь колымаги
От добра, начнут у переправ?
Или раб, клянясь на тонкой шпаге,
Нас заверит — Царь Московский прав?..

Иль, отдавшись кривому басурману,
Ровно девушка забьется в забыты,
Иль нашепчет в уши Атаману
Свой предать народ степной в беде?.

Казаку ль дав силу огневому,
Городами мощными тряхнет
И к майдану снова боевому
Всех детей бесстрашных соберет?..

А собрав — пошлет гулять по свету,
Проклинать Судьбу и всех людей
И потом к суровому ответу
Привлечет Он наших палачей?..

Край — Казакия... таинственный и странный!
Ты в веках загадкою лежишь...
Тихий стон и крик казачий бранный
Как и смех Ты ласковый тайшь...
Но живет в Тебе одна Идея,
В ней есть Вольность — терпкое вино,
От него казак, в бою пьянея,
Знает, что Отчизне суждено...
Суждено страданий горьких чашу,
И побед, и славы, перенести —
И тогда страну степную нашу
Как добычу сладкую обрести!..

И. К. Скубани. (Румыния).

А б р е к.

[Поэма наших дней].

I.
Щербина был в своей округе
Незаурядным казаком —
Его за важные заслуги
Почетным звали стариком.
Бессменный выборный на сборе,
Он высоко ценил такую честь,
Любил Казачество и в споре
Мог за него и в драку лезть.

Красивый пышный виноградник
Дом двухэтажный окружал,
Пред ним прелестный полисадник
Цветами нежными дышал.
Тут был излюбленный „любситик“,
Гвоздик различные сорта,
Сирень, жасмины и трилистник,
Левкоев луг и резеда.

Дом не простой архитектуры —
Какой-то тайною обят —
Кой-где чернея, амбразуры
О славном прошлом говорят.

Видно в години войны жестоких
Не раз пришлось врага встречать
И под прикрытием стен высоких
Упорный натиск отражать...
Давно рассеялись кошмары
И амбразуры не нужны,
Но дом стоит, как воин старый —
Немой свидетель старины.

Назад пятнадцать лет, Щербина
Имел с полдюжины семью,
Теперь — единственного сына
Да жинку старую свою.

Никита сын, его любимец,
[ему пошел двадцатый год]
В семье поилец и кормилец,
Утеха старческих невзгод,

Всегда одет как на параде,
Для дев мечтательниц жених
Никита был, но к их досаде
Он не дарил вниманьем их...

Вблизи от них, слепец в хатенке
В то время век свой доживал,
И часто смех игриво-звонкий
Из хатки ветхой вылетал.

То внучка деда, хохотунья,
Забыв нужду и тяжкий труд,
Смеясь, как добрая колдунья,
Вносила в хижину уют.

Двенадцать ей лишь миновало,
Но горемычная судьба
Ей жестоко продиктовала:
Борись бесстрашно — жизнь борьба!

И крошка рано раскусила
Всю горечь бедности людской:
Сама варила, мыла, шила,
Мирясь с сиротскою судьбой.

Трудясь, как птичка средь дубравы,
Иль пчелка в улье своем,
Она не знала про забавы,
Вся поглощенная трудом.

Кулинка [прозвище малютки]
Была веселой и не грех,
Когда в ответ дедовской шутке
Как колокольчик слышен смех.

Давно, еще в ребячьи годы,
Никита старца пощещал,
Его несчастья и невзгоды
Душою чуткой разделял.
Бывало вечером осенним,
При тусклом свете каганца,
Внимал он с детским восхищеньем
Рассказам дедушки-слепца.

А тот рассказывал умело
Про битвы с горцем Шамилем,
Как за свою свободу смело
Черкесы бились с врагом.

... У Шамиля, в борьбе неравной
Помощник был, Хаджи-Мурат,
Джигит лихой, наездник славный,
Но вероломный супостат.

Задумал он за груди злата,
За честь, что русский царь сулил,
Предать соратника и брата
Вождю несметных вражеских сил.

В мечте своей честолюбивой
Он мнил себя имамом гор,
Он ждал покорности учтивой,
И месть таил коварный взор.

Дождав условной ночи темной,
Он вышел в стан своих врагов, —
С улыбкой радостной, довольной
Его там встретил Воронцов.

На радостях брегет*) звенящий
Хаджи-Мурату князь вручил.
Однако, тот прием блестящий
Тревогу в горце породил.

Червонцев огненные груди
Слепили черные глаза
И на лице худом Иуды
Порой светилась слеза.

В кунацкой вражеской крова
Он понял, что „урус“ не брат...
И, осудив себя сурово,
Как пленный зверь грустит Мурат.

Он к Шамилю мечтою мчится
И хазавата слышит гул,
А ночью долгой ему снится
Родной покинутый аул.

Росло раскаянье в туземце,
Главу терзал больной сумбур —
Как мог доверчивое сердце
Смутить предательский гяур...

Раз в час обыденной прогулки
Среди прелестнейшего дня
Раздался в поле выстрел гулкий
И горец гикнул на коня.

С толпою преданных мюридов,
С кривою шашкой на голо,
Он проскочил сквозь цепи гидов,
Стремясь в ближайшее село.

Но не простил измены брату
Всесильный Рок, издалека
В висок коварному Мурату
Вонзлась пуля кунака...

Вот так рассказывал, бывало,
Слепой старик о деле том...
Наклонит голову устало
И станет тихо все кругом...

Но миг пройдет и уж ребята
Ог дед новых „казок“ ждут —
И в полутьме убогой хаты
Иные образы плывут.

Пусть на дворе темно, морозно —
В хатенке тедело мир-уют;
Пускай бушуют вьюги грозно,
Да ветры злобные поют,

Здесь духи счастья поселились,
Рокочет образный рассказ
И с любовитством в них впились
Две пары светлых детских глаз...

Какою сказкой незабвенной
Бывали эти вечера!
Но не заметен бег вселенной:
Промчалась чудная пора...

Прошло годов с поры той много,
Слепец в могиле уж давно,
Но жизнью скромною и строгой
Живет красавица его.

Как фея сказки, та девица
Мила, прекрасна, а ея
Глаза горят, как две зарницы,
Суля блаженство бытия.

О, эти пламенные взгляды!
Кто перед ними устоит?
Ведь сердце юнош не наряды
И не богатство дев пленит...

Ужель не лишни поясненья,
Кто стал рабом ее очей
И кто в восторге упоенья
Так преклоняется пред ней?..

Во власти женского влиянья
Никита юный. Как в чаду
Живет минутами свиданья,
Не чужа близкую беду.

II.

... Однажды, вечер был весенний,
Никита чувства не сдержал
И в час сердечных открытий
О нем родителю сказал.

Он говорил, что жизнь постыла,
Как ночь... Темны, бесцельны дни...
Душа его покой забыла
И жаждет счастья и любви.

— „Пойми, отец, одно лишь слово
К прекрасной жизни возродит
И ярким солнцем радость снава,
Лаская сердце, заблестит...“

Отец молчал. Мольбу такую
Не понять сразу старику —
Невесту лучшую, другую
Он предложить хотел сынку.

„Дай время мне, подумать надо...
Он наконец проговорил.
„Ужель огонь Кулины взгляда
Казачье сердце пополнил?“

Да, чудо это. Видно Богом
Тебе указаны пути,
Что в доме нищенски-убогом
Сумел невесту ты найти.

Считаться-ль мне с твоим желаньем?
Не пара нищенка, ей-ей,
Ты под губительным влияньем
Ее русалочных очей...

Она тебя приколдовала...
Оставь о, сын, твои мечты,
Поверь, для долгой жизни мало
Иметь лишь перлы красоты...

У жизни есть свои законы
И много странных в них страниц, —
Бывает дуру миллионы
Отметят в обществе девиц

И женихов-красавцев двести,
Как мух над лакомствами рой,
Вокруг богатенькой невесты
Кружатся, ссорясь меж собой.

Кулинка — девушка, не спорю,
Красива, с пышною косой,
Да вот ее к несчастью-горю
Не наградил господь казной.

Подумай, сын, не злата груды
Возьмешь за нею, а суму...
А впрочем, сам смотри, не буду
Перечить счастью твоему.

Решай!“ — Отец, я умоляю
Рукой твоей благослови,
Ее люблю и сам не знаю
Границ восторженной любви.

Не в кошельке ищу я счастья,
Не в миллионах светлый луч,
Нет, душу с отзвуком участия
Я по любил. Отец, не мучь...

Поверь, мы будем равны оба
Она бедна, а я богат,
Мне даст она любовь до гроба,
Тебе покорность и ввучат.

В хоромах наших молодайка
Искусно будет борщ варить,
Сам знаешь, девка не лентяйка, —
Ее работе не учить.

— „А ты, пожалуй, прав — нам
Таковую именно, ведь мать [нужно
Стара становится, недужна,
Пора ей, видно, отдохнуть“...

Старик умолк на полуслове
И взгляд на сына устремил.
— „Ну дай Бог счастья!“, — Сдвинув
Сказал и брак благословил. [брови,

И порешил седой Щербина
Сватов к Кулинке посылать...
Упала с сердца будто льдина,
Довольно парубку сгратать.

III.

На красной горке, в день весенний
Сыграли свадьбу. Наконец,
Прогнали рои былых сомнений,
Вздыхнет спокойно молодец...

До света музыка играла
В богатом доме казака,
Гостей собралось не мало,
Лилось вино и арака...

В легинке трепетной и гибкой
Носился лихо парубок,
В ладоши хлопали с улыбкой,
Вино смакуя, старики.

Девчата „свадебные“ пели,
Про Хаз-Булата и Кавказ
И с тайной завистью смотрели
На пару видную не раз...

Порою выстрел раздавался —
Слетала известь со стены:
Никто тому не удивлялся —
Таков обычай старины.

То среди шума: „Горько! Горько!..“
Летело, будто страстный стон...
Кулинка вспыхивала зорькой,
Смущенно рдея, как пион.

Никита, радостно сияя,
Жену бесцельно целовал,
А возглас, медленно стихая,
Их к поцелуям новым звал...

Короче, свадьба у Никиты
Была веселого гульбы —
Были все были, вдоволь сыты,
Там арака лилась рекой...

А после свадьбы счастье жизни
Нашло в его семье оплот...
Но как всегда, оно капризно
И долго с нами не живет.

Едва успел он насладиться
Любовью нежною жены,
Как суждено было явиться
Кошмарным призракам войны.

Случилось так, что над Щербиной
Влюбленным в карие глаза,
Какой-то страшною лавиной
Сползла нежданная гроза.

То был канун войны Великой,
Невзгоды шли за ним гурьбой
И над Европой стаей дикой
Носился ужас боевой...

*) Брежет — часы.

IV.

В июльский жаркий день пшеницу
Молодожон Никита жал,
Когда из города в станицу
Казак с пакетом прискакал.

А в том пакете извещенье,
Что ждуть ужасную войну,
Вот-вот откроется сражение,
Пожар окутает страну.

С флажками красными помчались
Во все далекие концы
Печали вестники — сзывались
На сбор казаки-молодцы.

Приехав с поля, торопливо
Спешат станичники на сбор...
В правленьи шумно и крикливо —
О чем-то шел горячий спор.

Перед собранием в черкеске,
И с атаманской булавой
Седой казак читал им веско
Приказ о страде боевой.

— „Настал момент, о Боже правый,
Должны мы Родину спасти,
В веню казачкой яркой славы
Гирлянды новые вплести.

Земля кубанская не знает
Трусов среди сынов своих —
Единодушно она станет
В защиту вольностей степных...

— Прав Атаман, то воля Божья,
За славу, Край родимый свой,
Сыны сего Запорожья
Вступить готовы в смертный бой...

Звонок вещал конец беседы,
Но разговор не утихал,
В простых словах залог победы
Как свет из тени вышывал...

... На третий день, едва зарница
На небе утреннем взошла,
Шумела, плакала станица —
То молодежь в поход пошла.

Махая шапками, их деды
Кричали бодрые слова:
Смотрите-ж, хлопцы, без победы
Не ворочайтесь... Бей врага!..

В то утро хмурое и злое
Коня Никита оседлал,
Обвел глазами все родное,
Вздыхнул и к сотне поскакал...

Слезу смахнул отец суровый,
Рыдала немощная мать —
Давили мысли — будто снова
Любимца им не увидать.

Кулинка билась в иступлени —
Кто счастье мог ее разбить
И жизни рай без сожаленья
В сгоревший пепел превратить?..

Лепечет бедная сквозь слезы
— „Уехал милый.. Его нет...“
И всрепенувшиеся грезы
Летят уехавшему вслед.

V.

Война жестоко начиналась,
Рождая ужас и кошмар,
Атака немцев отражалась
И наносился им удар.

Казачьи конница, пехота,
Непобедимые в боях,
В отваге дерзкого налета
Им угступал искусный враг.

Никита сливился в разведках
Бесстрашьем редким казака
И не боялся газов едких,
Ни пули меткой, ни штыка.

Георгиевский крест героя
Среди джигитов выделял,
И на черкеске среди боя
Святым величием сиял.

Но раз известье получили,
Что забияка вдруг исчез —
Наши в сраженьи отступили,
А он один в ловушку влез.

Казак увлекся жаждой славы
И не заметил бугорки,
Где из чернеющей канавы
Блестели ружья и штыки.

Окинув взором вражьи цепи,
Вздыхнул зарвавшийся боец —
Ему припомнились степи,
Кубань раздольная, отец,

Кулинка с грустными глазами,
Благословляющая мать...
И плотно сжатыми губами
Слова молитвы стал шептать...

Свой лоб обветренной рукою
Крестом широким осеня,
Взмахнул он шашкою кривою
И на врага пустил коня.

С безумной храбростью рубился
С остервенелою ордой, —
Однако бой не долго длился
И пал израненный герой.

Весь окровавленный, Никита
Лежал пред немцами. В бреду
Он слышал глас сердитый,
Вопрос неясный: Wer bist du?

Его в штаб корпуса послали
[Невероятно длинный путь!]
Там издевались, соблазняли, —
Хотели в душу заглянуть.

Однако, тщетны их попытки
Он верный клятве Войсковой,
Пойдет на смерть, на муки-пытки,
Не выдав тайны боевой.

... Пока окончится дознание
И в глубь страны сошлут бойца,
Для полноты повествованья
Перенесемся в дом отца...

В тот день, когда герой плененный
Свой путь тяжелый совершал,
Старик Щербина, удрученный,
Сидел безмолвно и вздыхал.

Тоска-злодейка сердце точит,
Томится бедный, но сказать
Старухе-матери не хочет,
Чтоб слез напрасных не видать.

И без того она страдает
И плачет горько по ночам,
В молитве Бога призывает
Помочь любимым казакам.

Жена Никиты подарила
Семье прекрасного сына
И в нем утеху находила
Коль угнетала грудь тоска.

Грицком малютку называли,
Лица невинного черты
Жене младой напоминали
Зарю разрушенной мечты.

Она болеющим соседям
Обедать ныне понесла
И в комнатухе светлой с дедом
Лишь жинка старая была.

— „О чем грустишь, старик? —
Подруга юности его. [спросила
— „Да все о нем... Давно уж было
Письмо... Боюсь я за него.

— „Ах, брось... И мать перекрести-
— „Война — то Божия гроза!“ [лась
И по лицу ее скатилась
Брильянтом крупная слеза.

— „Быть может мир не за горами,
Не век же будут воевать —
Опять сыночек милый с нами
Пшеничку мирно будет жать“...

Так жили дома в ожиданьи
Конца разрухи мировой,
Когда окончатся страданья
И возвратится их герой...

VI.

Три года долгих и суровых
В плену Никита наш страдал,
На лбу его морщин багровых
Рок много грубо начертал...

Меж тем в России совершилось
Не мало разных перемен, —
Война позорно прекратилась,
Начался пленными обмен.

В гнездо родное возвратился
С неописуемым трудом
Казак Никита. Поразился
И не узнал отцовский дом.

Забор разобран, сад огромный
Изломан кем-то и изрыг,
Обезображенный, безмолвный,
Событья грозные хранит.

Вошел он в дом, обвел глазами
Светлицу — тихо, ни души.
Лишь под не мытыми полами глас
Скребнутся мыши среди тиши.

Нет никого. Обиды слезы
Туманят очи казака,
В душе созрели мечь-угрозы,
В кулак сжимается рука.

Как тень среди родных обломков
Со взором диким бродит он...
Но чу!. За стеною не громко
Раздался чей-то стон.

Метнулся в сторону, Украдкой
Приник к закопченной стене,
Дрожа от нервной лихорадки, —
Стон повторился в тишине.

Рванул за дверь... О правый Боже!..
Его испуг не передать —
На деревянном грязном ложе
Перед ним лежала его мать.

Она, больная, не узнала
Сначала сына своего
И безразличным взглядом вяло
Лишь посмотрела на него.

Потом взгляделась и с тревогой
Никиту нежно обняла
И зашептала, как от Бога
Беда великая пришла,

Как объявлялся „свобода“,
А вместе с ней большевики...
И сколько сгнуло народа,
Пока смирились казаки...

Невольню мысли забродили
Крикливо-бешеной толпой...
А где отец? Ужель любви?
Что стало с сыном и женой?..

Увы, уж нет отца седого,
Жены красавицы уж нет,
Благополучие былого
Сменило время слез и бед.

Отец погиб на поле брани,
За то, что чество дорожил,
За то, что верный сын Кубани
Безумно край родной любил.

За то, что сердцем благородным
Не помирился с морем слез
И в жертву деспотам народным
Устоев вольных не принес...

За то, что видя униженья,
Казак и телом и душой,
В народ он бросил искру мщенья
И грудью стал за край святой...

Блеснув сердитыми глазами,
За мной, станичники! сказал
И под Кубанскими полями
Огонь восстанья запылал.

Лилась кровь. Потомки Сечи
Пытались цепи оборвать,
Иль на полях крававой сечи
Предпочитали умирать.

И стар и малый — все восстали
За волю родины своей,
Клинки кавказской лучшей стали
Рубили метко палачей.

В руках с оружием, к новой славе
Бесстрашно мчались казаки.
Вперед!.. В атаку!.. В быстрой лаве
Громя советские полки.

„Назад!“-команды нет уж ныне —
Со славой пасть иль победить.

За кровь отцов, за их седины
Кубанцы жаждали отмстить...

...Но в станину хоть говорилось:
Не в грубой силе — в правде Бог,
О силу правда все-ж разбилась,
Никто сберечь ее не мог.

Нет, ни одно из их стремлений
Свободы края не спасло...
Бурлят так реки в день весенний,
Оставив мелкое русло,

Они о берег непокорно
Волнами пенястыми бьют,
Но лед растает и бесспорно
Доляной прежнюю текут...

Так и повстанцы храбро пали
В борьбе за Волю Старины
И для Казачества настали
Террор и рабство сатаны.

Семейство воинов убитых
Их куреней лишил совет:
„Добро казаков именитых —
В коммуны!“ — так гласил декрет.

Теперь жена и сын Никиты
В Соловках тяжкий крест несут...
Плигой могильно покрыты
Былое счастье и уют.

А мать, пришибленная горем,
Почти ослепнувши от слез,
Жила в станице под надзором
Среди насилий и угроз...

— „Беги, сынок мой!.. За горами
Найдешь покой ты, час не ждет,

А я молясь пред образами,
Благославаю тебя в поход.

Беги сынок, чтоб не пугали
Тебя советским палачем...

Останусь я, — в моей печали
Ты будешь радостным лучем.

И если ты в горах узнаешь,
Что мать замучили твою,
Клянись, по мне ты тризну справишь
В жестоком, яростном бою...

Беги, мое благословенье
Тебя в изгнании сохранит,
Я верю, скоро Провиденье
Кубани Волю возвратит“...

Удар тяжел... Сильнее грома
Казак поклялся кровно мстить
И на родных обломках дома
Былого тени воскресить...

Чуть ночь коснулась небосклона,
Он взял винтовку и кинжал,
Пробрался в лес и ночью темной
К абрекам в горы убежал...

VII.

.. И началась месть Никиты,
Он стал страшилищем станиц,
Врагов уж полчища побиты,
Но злобе не было границ.

За честь поруганного Края,
За слезы жен и матерей,
Огнем противника сметая,
Идет Никита-Прометей.

Он верит в час освобожденья,
Заветным будущим живет,
Всегда без страха и сомненья,
Смеясь над смертью, в бой идет.

За ним могучие ватаги
Родной страны богатырей...
И реют Воли светлой флаги
Над ширью красочных степей...

И как пред грозною лавиной
В смертельном страхе все дрожит,
Так перед мстительным Щербиной
Толпа насильников бежит...

... И вот сбылись мечты народа —
Из Края выгнали врага,
Опять Кубани чудной воды
Спокойно плещут в берега.

Казак свободный снова в поле
Плужницей режет борозду,
И, наслаждаясь своей волей,
Забыл про горе и нужду...

Давно казаченьки летают
Далеко где-то, как орлы,
И мир к свободе призывают,
Уничтожая кандалы.

Повсюду виден всадник бравый,
Гудит на встречу перезвон,
Украшен путь цветами славы
И вдруг... Исчезло все как сон...

... Погасли пламенные очи
Не встанут рыцари на бой,
И снова мрак краваевой ночи
Повис над родной святой.

Но час придет — венок Победы
Могилы храбрых обовьет
И гордо скажут внукам деды,
Что слава рыцарей живет.

Казачья правда лик подымет,
Воспрянет братство и любовь,
Порутся цепи — рабство сгинет
И перестанет литься кровь.

Исчезнет чуждая опека,
Вернется право казака,
Штандарт священный человека
Поднимет вольная рука.

Утихнет горе. Плач народный
Уймется прекрасная пора
И вступим мы на путь свободный
Бессмертной славы и добра.

С. Савицкий (Бразилія).

* * *

Журитись? — Ні, об землю лихом!
Життя — завзята боротьба.
Не нам, брати, сидіти тихо,
В армі наслідувати раба.

Життя здорових, сильних любити,
А кволих топче, заміта...
І нас озброєних полюбити —
І воля дома привіта.

До праці всі. Козаче поле
Давно чекає наших рук.
І не питаємо: — Де ти, доле? —
Вона є там, де праці згук.

Перо і слово — також зброя —
Вони гартують людський дух.
Де сильний дух, там є і воля;
Де воля є, там — жвавий рух.

Працюймо всі, як бджоли літом —
На волі будем спочивати.
В армі доволі нудить світом —
Вже час кайдани розбивати.

Козацтво, гей — об землю лихом!..
Плачем нам волі не здобуть.
Працюймо всі! А там і... вихром
Туди... з шаблями... де нас ждуть!

* * *

Кидаймо у душу надії,
Спиваймо веселих пісень —
Рожеві збуваються мрії:
Вже наш наближається день.
Дивіться, як сонечко сяє —
З-за гор показалося воно.
Гей, хто там сумної співає?
До чар наливайте вино!..

Ми довго співали-ридали...
Життя насміхалося з нас,
Та блиснули гострі кінжалі
Й наблизвся соняшний час
Веселої грайте, музики!
До чар наливайте вино!
Роспучливі стримайте крики,
А сійте вогневе зерно!

ЧОРНИЙ ЛИЦАРЬ.

... Як вихор козак вилітає
З прапором в руках на коні.
Над горами сонечко грає
На вільно-козачій струні.
Читайте й сліпі на прапорі
Ідейно-вогневі слова
Та знайте: козак хоче волі!..
... Вже блиска йому булава...

ВК шлях — Казачий шлях.

Для тех казаков, кто серьезно задумывался над событиями последних пятнадцати лет — над русской революцией и ее „содержанием“, над русско-казачьими отношениями, над русско-большевицким нашествием на Казачьи Земли и казачьей освободительной борьбой, над самым характером большевицкой войны и всеми ее „привходящими обстоятельствами“, равно, как и над катастрофическим ее для Казачества концом — для тех, повторяем, кто ломал свою голову над всеми этими вопросами, кто болел за прошлое и искал правду и шлях для Казачьего Будущего, для всех тех давно уже является бесспорным, что основной причиной казачьих неудач является то, что Казаки к началу революции 1917 года оказались политически неподготовленными к событиям, как их поставила перед ними политическая действительность. Казачество не имело в то время перед собою ясной и определенной своей политическо-государственной программы. Больше того — можно смело утверждать, что оно не знало и самой России, не знало ее государственной жизни и внутренней политической борьбы, не знало ее общественных и политических движений, не знало политических партий и их программ, не знало подлинного к себе отношения разных слоев населения русского народа или общественно-политических группировок... Разве уже в 1905 году у казаков, призванных мобилизацией для несения „внутренней службы“ Российскому государству, — разве у тех казаков не вставал большой вопросительный знак по поводу всего происшедшего? Или: разве не вызывали у казаков самого искреннего недоумения не менее искренние чувства „признательности“ к ним за 1905 год и со стороны русских рабочих, и со стороны русских крестьян, и со стороны русской интеллигенции? А разве не удивила казаков мобилизация России против Дона в 1917 году? А разве „болезнь“ казаков-фронтовиков зимою 1917 — 1918 года не объясняется в значительной мере тем „дурманом“, который подсунили им большевики, о программе которых и о ее проповедниках они, казаки, не имели до того никакого представления? А разве донской „тыл“ так хорошо знал программу русской кадетской партии, на блок с которой донские кадеты сумели потянуть Дон? А разве казачья масса хорошо знала в свое время подлинную программу вождей Добровольческой армии?..

Успех грядущей казачьей борьбы за освобождение во многом будет зависеть не только от того, какую политическо-государственную программу Казачество будет иметь, но в не меньшей мере и от того, как политически к той борьбе оно подготовится вообще. Чем лучше будет политическая подготовка, тем вернее будет обеспечен успех и тем меньшие будут жертвы кровью... В политическую подготовку, в казачью политическую грамоту входит и хо-

рошее знание каждого возможного своего противника, знание всестороннее и глубокое, — значит, не только большевиков, но вообще всех русских сил, их стремлений, их программ, их отношения к казачьему вопросу... Такое же изучение необходимо и своих возможных союзников, в первую голову — других народов нынешней Сов. России, стремящихся к своему национальному освобождению...

В. К. хочет и работает над тем, чтобы все казаки были политически зрячими... Мы не можем примириться с тем, чтобы на тринадцатом году эмиграции, среди казаков нашлись люди, которые бы призывали их „не заниматься политикой“. Это были бы или безнадежные дураки, или тягчайшие перед Казачеством преступники. Наоборот, занимайтесь, казаки, политикой и самым усиленным образом политически готовьтесь к политической борьбе. Только хорошая политическая подготовка поможет вам хорошо разобраться в настоящей и будущей политической обстановке. Только борьба, хорошо политически подготовленная и удачно политически руководимая, может принести Казачеству настоящее Освобождение.

Одним из основных вопросов, поставленных но еще не решенных российской революцией, является вопрос национальный — вопрос возрождения, самоопределения и освобождения народов, поработенных ныне красною Москвою. Не видеть этого, не желать знать этого, это значит — закрывать глаза на жизнь, это значит — терпеть жестокие и тяжелые неудачи на политическом пути, сойти с которого мы все равно не можем — одинаково, хотим мы того, или не хотим.

Казачьи самостийники пробовали открыть глаза Казачеству на эту политическую действительность еще там, на родной земле... В эмиграции так именно ставил вопрос „Голос Казачества“ уже в 1921 году. Ныне „ВК“ призывает казаков, чтобы они ни на одну минуту не упускали из поля своего политического зрения этого основного процесса политической жизни и борьбы в современном СССР.

Русские единоделимцы пробовали вначале не видеть и не признавать никаких национальных движений в России. Им вторили и вожди „русских казаков“. Но, как это всегда бывает, политическая жизнь не меняется потому, что некоторые упрямые не хотят ее принимать такой, какова она есть на самом деле. Оказалось и в данном случае, что нежелание русских считаться с национальным вопросом в России не остановило его поступательного движения и развития.

В последнее время среди русских людей начинают раздаваться тревожные голоса по поводу роста в Сов. России национализма поработенных ею народов и усиления стремле-

ний к политическому сепаратизму. С одним из таких голосов мы считаем необходимым познакомиться и казачьего читателя — для того, чтобы русскими устами сказать не только вольным, но и „русским казакам“ о том, что же делается в Сов. России... Сказать и звать делать надлежащие политические выводы. Делать выводы и, на основании правильно сделанных выводов, вести свою политическую работу.

Вот он, этот голос. В 3 (июльском) номере ежемесячного журнала „Знамя России“ — вестника „Крестьянской России“ (издаваемого в Праге) — редактор его и лидер (а может быть и вождь) трудовой крестьянской партии С. С. Маслов в статье „Думы и зовы“ („О самом важном“) бьет в набат по поводу роста и распространения в Сов. России национализма и политического сепаратизма. Ввиду не только интереса, но и чрезвычайной поучительности статьи г. Маслова, особенно для „русских казаков“, приведем ниже наиболее существенные ее части полностью.

С болью в сердце (понятной, конечно) соглашается г. Маслов верить показанию наблюдателей современной России, которые утверждают

„рост безразличия к судьбам государства и даже нарастание готовности оказаться под любой иностранной властью, ибо „хуже не будет“, а лучшее личное существование каждого возможно и даже достоверно... Государство, которое политикой власти превратилось из великого блага в великое несчастье, из охранителя разнообразных интересов и прав человека в грабителя и душеителя их, не может привлекать к себе сердца. Оно неминуемо должно отталкивать их... В результате патриотизм слабеет, снижается, исчезает вовсе даже у прирожденных сынов России. Корни государства гниют даже на самой лучшей почве — в душах ядра населения и оплота государства.“

Этот процесс, подчеркивает г. Маслов, отчетливей и заходит дальше у нерусских народов России и даже части „русского народа, живущего по преимуществу на окраинах страны“. Вся эта группа

„сильно и глубоко заражена „самостийничеством“, понимая под ним стремление выделиться из российского государства, чтобы или создать потом независимое собственное государство, или войти как государственное образование в орбиту какого либо иного государства, или прямо слиться с последним. Украина дает первый из этих случаев, Якутия — второй, пан-тюрксистское движение — третий.

Новая форма государственного бытия у всей второй группы российского населения является предельным, пока еще неосуществимым*) заданием. К нему, однако, идут настойчиво и в разных формах. Первая из форм выражается в настойчивой пропаганде „самостийничества“, как оно выше определено. Вторая форма — культурно-национальная работа, руководящаяся стремлением создать свою собственную национальную и непременно русофобскую интеллигенцию, чтобы с нею и через нее в разных проявлениях своей культурной жизни уйти как можно дальше от культуры русской. В этой работе не останавливаются ни перед чем — даже перед созданием новых народов — украинского, белорусского, козацкого, даже перед образованием новых, чрезвычайно искусственных и тенденциозных языков, даже перед любыми лживо-научными теориями о своем племенном происхождении и своей истории. Третья форма — образование тайных политических ор-

ганизаций для борьбы за свое „освобождение“. Доходят и до четвертой формы — до связи с иностранными государствами в целях получения помощи от них, и до формы пятой — до прямых восстаний, в которых элементы против-коммунистической борьбы густо переслоены и перекрыты „самостийными“.

Где, в каких частях России идет эта борьба за разрушение российского государства? Вопрос правильнее перевернуть — где не идет она? Суля по корреспонденциям в советских газетах, по отдельным карательным решениям и действиям партийных и советских органов, по показаниям „контр-революционных“ наблюдателей советской действительности, — в современной России вряд-ли есть области с нерусским населением, в которых не было бы проявлений этой против-государственной деятельности в том или другом объеме, на той или другой ступени ее развития. Следы ее за последние годы можно отметить в Азербейджане, среди татар Казанской губернии, в обоих средне-азиатских „республиках“ (Таджикская и Узбекская), в Казакстане, среди горских народов и грузин на Кавказе, среди татар Крыма, даже среди якутов. В своей традиционной преданности России колеблется даже Армения. Следы видны и среди отдельных частей народа русского — пока очень слабые в Сибири, гораздо более сильные и тревожные в Белоруссии и прямо грозные по возможным последствиям на юге России среди новоявленного украинского народа. Обе центральные газеты („Известия“ и „Правда“), вышедшие 6 июля с. г. со статьями в честь 10-летнего юбилея советской конституции, дали очень неполный перечень мест, где „классовый враг все чаще пытается играть на национальной струне, разжигая националистическую вражду“, но и они назвали „Украину, Среднюю Азию, Казакстан, Белоруссию“.

У меня нет сведений, которые бы позволили определить широту и силу отклика на „самостийную“ работу в массах населения. По тем же неполным и случайным данным, которые попадают в сферу наблюдения, приходится предполагать худшее — эта деятельность разветвлена, упорна, находит отклик в массах и — самое главное — эти отклики усиливаются...

... Предположение о стойкости и распространности самостийных настроений подкрепляется и наблюдениями над советской печатью: в последние месяцы она явно бьет тревогу в связи с „разжиганием националистической вражды“ на юге России...“

„Настроения в пользу отделения от России должны быть широко распространены среди нерусского или почувствовавшего себя нерусским населения России“, соглашается г. Маслов. Их вызывает и поддерживает, продолжает он,

„буквально вся внутренняя политика комвласти — образовательная, семейная, религиозная (точнее противорелигиозная), судебная, промышленная, сельско-хозяйственная и т. д., ибо во всех почти своих проявлениях она тяжела населению не только жертвами, требуемыми от него, но и своей нецелесообразностью, резкой несправедливостью, бесчеловечно-жестокими фармами осуществления. Она поднимает против себя не только интересы населения, но и все его представления о технически-целесообразном и нравственно-должном. Политические сепаратизмы должны расти при такой власти в сложном — в смысле племенного состава — государстве...“

Обвиняя далее сов. власть в „потворстве“ национальным стремлениям нерусских народов России (что, конечно, не отвечает действительности), г. Маслов кончает:

„Так в ничтожестве и преступлениях комвласти, в крестных муках российского населения расхищается и гнет самое великое, что создали наши предки и оставили нам, как свое наследство. На глазах нас, бесславных потомков, идет крушение величайшей по сплошной территории империи мира и человеческой истории. Российское государство рушится, неся огромные внешние потери и еще более важные и страшные потери скрытые. Оно отодвигается от океана и морей в степи, за-

*) Если „неосуществимым“, то зачем же так волноваться? Р е д.

купоривается, превращается в обрубок организма без конечностей. Оно умирает в душах его прирожденных сынов, строителей и защитников, надорванных в своем патриотизме многолетними и неисчислимыми муками и жертвами. Те же муки и жертвы в другой части населения вызывают прямое отталкивание от России и русского народа, порождая стойкие и распространенные настроения политического сепаратизма.

Открытое проявление этого „самостийничества“ пока еще скivano страшным террором власти, политическими формами правления, всеобщей нищетой и усталостью, но оно уже живет в душах многих миллионов и оно вырвется с силой при первом же удобном случае. Дни и недели, когда будет свергаться комвласть, — месяцы и годы после ее падения дадут такой удобный случай, ибо с ними будет связано неминуемое ослабление центральной власти и всех тех креп, которые властно связывают теперь разные части России в одно целое...“

— Так пишет русский патриот Маслов. Если принять во внимание именно то обстоятельство, что пишет это русский патриот вынужденно и „без радости“, словом, если внести в приведенные выше выдержки неизбежные поправки на единаеделымческие убеждения автора их, то придется все же признать, что сказано много. Придется признать, что г. Маслов, хотя и с болью в сердце, но попробовал посмотреть правде в глаза...

Повторяем: сказано много, — так много, что какие нибудь особенные комментарии к сказанному почти излишни. Ограничимся, поэтому, самым необходимым.

Конечно, у г. Маслова почти не поворачивается язык, а если и поворачивается, то неохотно и злобно говорит он, что политическим сепаратизмом заражено там и Казачество. Тем не менее совершенно ясно, что в „часть народа русского, живущего по преимуществу на окраинах страны“ и зараженного самостийничеством, г. Маслов включает и казаков, „ведущих работу, не останавливающуюся даже перед созданием новых народов — украинского, белорусского, казацкого“... „даже перед любыми лживо-научными теориями о своем племенном происхождении и своей истории“...

Не будем в данном случае спорить с г. Масловым, заметим только, что народы искусственно и „на заказ“ не создаются. Не создаются на заказ и теории о своем племенном происхождении и своей истории — у кого нет своей истории, тому не создать ее при всем желании и старании, как никому не выдумать иного происхождения, чем какое было в действительности.

Что касается происхождения Казачества и его истории, то как бы ни была молода казачья история (наука), она все же уже достаточно засвидетельствовала и самостоятельное, независимое от русских, племенное происхождение Казачества, и самостоятельную многовековую, независимую от русской истории, историю Казачества до начала XVIII века. Здесь же, для иллюстрации, напомним два свидетельства: 1. Чешские карты, помещенные в 100 номере „ВК“, лишний раз свидетельствующие, что история казачья и история русская в XV—XVII и части XVIII столетия шли каждая своими собственными

пути, и 2. Приведенное нами уже в 132—133 номере „ВК“ свидетельство чешского ученого д-ра F. Přikryla (основанное на архивных данных одного из монастырей Старого Афона) о посещении св. св. Кириллом и Мефодием донских казаков (на берегах Дона и Азовского моря) за 130 лет перед крещением Киевлян, т. е. в то время, когда Москвы еще и на свете не было, а славянские племена, образовавшие (с примесью финских племен) современных великороссов, были достаточно далеко еще от тех территорий, какие ныне считаются истинно русскими (великорусскими).

Русские, конечно, казачьей истории, равно как и происхождения Казачества не знают или не хотят знать. Но, ни то, ни другое ни в какой мере не значит, что Казачество не имеет своей истории, или что правдивы русские сказки о происхождении казаков от беглых русских холопов...

Чтобы покончить со статьей г. Маслова, задуматься над которой мы особенно советуем „русским казакам“, остановимся еще на „четвертой форме“ путей и работы самостийников для осуществления своих политических целей. Господина Маслова тревожит, что они, самостийники, „доходят и... до связи с иностранными государствами в целях получения помощи от них...“ — Не будем напоминать на этом месте г. Маслову и иже с ним о том, как в свое время искали иностранной помощи Колчак, Деникин, Врангель, Юденич и др., как ищут этой помощи вот уже тринадцать лет разные группировки русской эмиграции (каждая по своему, конечно) — может быть даже и организация самого Маслова, — подчеркнем только, что в том же 3 номере „Знамени России“, на стр. 18—19, в статье „Украино-германская интрига в Лондоне“, редакция его „З. Р.“, т. е. тот же самый Маслов „подсказывает“ русской эмиграции, „необъединенной, бредущей врозь, не могущей согласиться между собою на главных принципах политической программы и общей тактики в отношении Советов“, что „можно не сомневаться в том, что если бы русская эмиграция могла предложить (англичанам) свой реальный план борьбы с большевиками, они (англичане, имеющие поддержку и со стороны Гитлера) порвали бы с украинцами и стали бы поддерживать борьбу национальной русской эмиграции против большевиков“...

Всегда, когда русские (или „русские казаки“) говорят об иностранной помощи, выходит, что помощь эта весьма нехорошее дело, раз ее ищут казаки, украинцы или другие народы, борющиеся за свое освобождение, но она, эта иностранная помощь, обращается не только в хорошее, но и желанное дело, когда ее ищут сами русские. Точь в точь, как было и в 1918—1920 годы еще дома: когда немцы помогли донцам — по мнению русских людей это было нехорошо, но по мнению тех же русских патриотов было очень хорошо, когда англичане и французы помогали Деникину и Врангелю. Они же делали

все, что только могли и на что были способны, чтобы не допустить англичан и французов оказывать помощь казакам непосредственно...

Что дает и чему учит нас статья г. Маслова? — Много и многому. Устами русского человека она подтверждает рост национального самосознания у народов, поработенных ныне СССР, и активизм их в борьбе за свое освобождение. В список этих народов, хотя и весьма неохотно, лидер „Крестьянской России“ должен был зачислить и Казачество. Это свидетельство активного русского политического деятеля не является для нас свидетельством друга, а признанием противника, скорее преуменьшенным, чем преувеличенным, как и свидетельство Ростовского на Дону советско-большевицко-коммунистического „Молота“ в передовой от 22 декабря прошлого года, приведенное у нас в номерах 122 и 123. Эти же признания и свидетельства являются для нас весьма существенными подтверждениями как правильности нашего понимания современного исторического процесса и развития национального вопроса в теперешней России, как равно и правильности национальной Вольноказачьей освободительной программы, вполне отвечающей „местному национализму“ и „идеологии буржуазного национализма и шовинистической самостийности“ казачьей политической массы там, — тому, что г. Маслов называет политическим сепаратизмом.

И как странно и безнадежно глупо звучат в это время призывы ген. Богаевского к казакам „поменьше путаться в политике“!.. Это призывает претендент в „вожди“ Казачества в то время, когда перед ним, Казачеством, стоит величайшая и ответственнойшая во всей его истории политическая борьба за свою жизнь, за свою судьбу, за свое будущее! Мы, конечно, понимаем политическое поведение ген. Богаевского, который, в интересах своего очередного генерала, которому он служит, хотел бы иметь в своем распоряжении казаков здоровыми физически и невеждами политически, ибо политически зрячими они за ними и с ними не пойдут... Понимаем и делаем все, чтобы поняли это и те казаки, которые еще считают себя в лагере г. Богаевского...

Сделают ли „русские казаки“ надлежащие выводы из признаний г. Маслова? Или они пред-

почтут в одно прекрасное время очутиться снова в непонятной для них политической обстановке и попробовать еще раз проиграть Дело Казачества, связав свою судьбу с новым Деникиными-Врангелями? Куда поведут или могут поведать казаков новые Деникины-Врангели и старые Богаевские? В Россию и за Россию? — Зачем и против кого? За какую Россию и во имя чего? И кто, собственно, будет хотеть вмешательства казаков в русские дела? — старые помещики против старых русских мужиков или новые фабриканты и заводчики против новых рабочих? Или вожди „русских казаков“ поведут их спасать единую-неделимую вместе с русским мужиком, выдавливающим сейчас казаков с их Земли и усиленно, под покровительством и содействием красной Москвы, колонизирующим так обильно политые казачьей кровью степи? — Значит, союз русского мужика и „русского казака“ против других народов? А цена этого союза? — мужицкое большинство на Казачьих Землях? — Пусть хоть раз господа Богаевские скажут откровенно: ради чего и из-за чего они хотят повторения в более грандиозных размерах 1905 и 1919 годов? Но пусть одновременно скажут и о результатах своих „предприятий“... А кто и как бы устраивал казачьи дела у казаков дома в то время, когда Богаевский с казаками устраивал бы русские дела в России когда, как пишет г. Маслов, ослабнут скрепы и каждый народ бросится сам устраивать свою судьбу? И еще один вопрос: будет ли у самих казаков сила идти устраивать чужие дела (да еще туда, где их совсем не просят), оставив дома буквально пепелища и голодные остатки истрадавшего Казачества?

От самих казаков, а прежде всего от степени их политической подготовки будет зависеть, смогут ли г. г. Богаевские увлечь их в новую авантюру, далеко горшую по своим последствиям, чем та, в которую они нас уже втянули однажды с ген. Деникиным. Мы, вольные казаки, будем делать все, чтобы этого не случилось. Мы будем делать все, чтобы Казачество не утонуло в „русской смуте“, а вышло, наконец, на свою собственную историческую дорогу, дорогу может быть вначале и не легкую (во всяком случае более легкую, чем всякая дорога русская), но светлую и прекрасную дорогу свободной и самостоятельной государственной жизни!..

Как русские борются с самим именем казачьим.

В 1918 и 1919 годах Кубань вела борьбу с ген. Деникиным за создание Кубанской армии. В 1919 году Деникин армию ген. Врангеля, фактически состоявшую из кубанских казаков, на зло кубанцам (как сам признался в своих „Очерках Р. С.“) назвал Кавказской армией...

Московские красные оккупанты, борясь с Казачеством и не желая казаков называть казаками, перекроили Казачьи Земли и основную часть их — Дон, Кубань, Терек — назвали Северо-Кавказским Краем...

Сейчас название это входит в употребление даже за границей и слово казак таким образом постепенно из употребления вытесняется.

— Так враги Казачества борются с ним всеми средствами. Казакам остается одно — бороться за себя тоже всеми средствами.

Т. Стариков.

Участие казаков в бою с турками под Веной 12 сентября 1683 г.

Двести пятьдесят лет прошло с тех пор, когда единственными силами нескольких государств под водительством польского короля Яна Собесского нанесено было туркам жестокое поражение под Веной, нанесен решительный удар по могуществу турецкой империи и остановлено дальнейшее ее завоевательное шествие на христианский мир. В этом событии принимали деятельное участие и казаки.

Турки создали могущественную империю. Это был последний народ, который пришел из Азии с огнем и мечем, разрушая и покоряя все на своем пути. Перед ними трепетали все народы, на которых они обращали свой взор. Они подчинили себе Египет, Малую Азию, Кавказ, Грецию, Балканский полуостров и все земли по западным и северным берегам Черного моря и готовились покорить всю Европу, весь христианский мир.

С давних времен шла борьба за гегемонию в Европе между Францией и Австрией. Габсбургский дом создал громадную империю. Владения его распространялись на Испанию, часть Италии, Нидерландию, Германию, Венгрию и Австрию. „Глава дома, государь австрийских земель, носил титул императора Римского и короля германского“. Франция, окруженная со всех сторон враждебными государствами, употребляла все средства, чтобы ослабить могущество Габсбургского дома. Тридцатилетняя война расшатала его силы. „Европа перестала бояться Габсбургов“. Но взамен их стало выростать могущество Франции. Европа разделилась как бы на два враждебных лагеря: сторонников Австрии и сторонников Франции.

Отношения австрийского правительства к Венгерскому народу и поведение австрийских войск, расквартированных в Венгрии, (во второй половине XVII ст.) были таковы, что среди части венгров возникла мысль предложить подданство турецкому султану. Заговор был открыт, главные заговорщики казнены, но волнения не прекратились. В 1678 г. „восстание вспыхнуло под предводительством молодого вельможи Эммериха Текели. В 1682 г. он признал власть Султана и звал на помощь турок. Султан собрал огромную армию в 300 тыс. чел. с 300 орудиями и обложил Белград, готовясь предпринять наступление на Вену. Австрия не имела сил сопротивляться. Она с большим трудом могла выставить всего 60 т. человек.

Положение спас польский король Ян Собеский.

Ян Собеский (род. в 1624 г.) стоит в ряду блестящих полководцев Европы. Он начал военную службу в звании коронного хорунжего (1656 г.), был гетманом польным, гетманом великим (коронным). После блестящей победы над турками под Хотиным (11 сентября 1673 г.), сейм провозгласил его королем. Вскоре он дал генеральное сражение турецко-татарскому отряду под Львовым и нанес ему полное поражение.

В победах Яна Собесского играли значительную роль казаки. Особенно большая услуга казаков была под Хотиным. В этой битве участвовало 80 тысяч турок и татар под командой великого визиря Купрули. У Яна Собесского было только 40 тысяч. Но у него были Запорожские казаки (под командой полковника Самуила Молдавильдова). Не дожидаясь приказаний, они стремительным ударом начали битву и решили ее участь...

Во время войны поляков с турками под Хотиным, когда запорожцы приняли в ней столь деятельное участие, пришло двадцать тысяч Волжских казаков на помощь христианам против неверных. Они пришли поздно, когда дело было окончено, но их намерение не осталось без награды. Королевич Владислав отпустил

их с подарками (Н. Костомаров. Бунт Ст. Разина Кн. I, т. II ст. 410—412. Летопись Сим. Величка. I прилож. стр. 24).

Возможно, что и перед походом под Вену Ян Собеский обращался к Донским казакам (а может быть и к Волжским казакам) с просьбой идти на помощь. Положение создавалось тогда слишком грозное для всего христианского мира, чтобы этот воинственный король не постарался собрать все, что можно, для того, чтобы нанести наиболее сильный удар по могуществу турок.

Он понимал, что торжество Турции над Австрией будет и угрозой существования Польши и потому решил вступить в союз с императором Леопольдом“ (С. Соловьев. Истор. Рос. т. XIII). „Король Людовик XIV, враг Австрии, поддерживавший Текели, старался отговорить от подаяния помощи Австрии и Яна Собесского. Ян отвечал, что останется спокойным зрителем торжества Турции над Австрией только в том случае, если французский король обяжется явиться на помощь Польше со всеми своими силами, когда турки, по взятии Вены, пойдут на Краков. Людовик не дал обязательства, — и Собеский остался при своем намерении помочь Австрии“ (С. Соловьев. Истор. Рос. т. XIII).

Австрийский император обязался выставить в поле 60.000 войск, король 40.000. Оба государя обязались идти на выручку друг друга, если турки осадят Вену или Краков.

Турецкий султан готовился нанести Австрии сокрушительный удар. Для этого он заключил с Москвой мир и предпринял наступление к сердцу Римской империи — в Вену. Оставаясь сам в Белграде, он послал против нее двухсоттысячную армию во главе с великим визирем Кара Мустафою.

Император Леопольд вооружался как мог. Он мобилизовал Чехию, Саксонию, Баварию, Лотарингию и другие феодальные державы, но не мог собрать свыше 60 тыс. человек. Судьба Вены и Австрии висели на волоске.

13 июля турецкая армия подошла к Вене. Император Леопольд поручил защищать ее графу Штаренбергу, сам же уехал в Линц, а оттуда в Пассау. Вена была хорошо укреплена. Она была обнесена сомкнутой оградой с 12 большими бастионами. У Штаренберга было в распоряжении 13 тысяч регулярных войск и 7 тысяч вооруженных граждан.

Турки окружили Вену обширными лагерями... До 300 орудий открыли канонаду по городу...

Небольшой венский гарнизон проявлял чудеса храбрости. Но вскоре обнаружился недостаток продовольствия и снарядов. Болезни причиняли большую убыль. Еще 22 августа Штаренберг не считал возможным продержаться более трех суток, если Кара Мустафа произведет общий штурм. Но турецкий полководец не произвел этого штурма. Он знал в каком затруднительном положении находится венский гарнизон и находил, что новый штурм не нужен, что Вена и без того капитулирует.

В то время, как Вена мужественно защищалась, с севера подходила помощь.

Если турки, собираясь громить Австрию, тщательно готовились к войне, политически обеспечивая свой поход и готовя как можно больше сил, если император Леопольд взял из Австрии и от своих вассалов все, что можно было взять, то и Ян Собеский, зная всю тяжесть и ответственность похода, с своей стороны хотел приготовить значительные силы. Ему нужны были казаки. Без них он не хотел выступать в поход. Но казаки задержались. Время же шло. Трагедия над Веной надвигалась. Надо было спешить во что бы то ни стало. Но тем не менее король выехал из Кракова

только 16 августа, не дождавшись казаков. „Гетман Евстафий Гоголь собрал их в количестве 14.700 человек. Полковниками и него были Ворона, Балыка, Миклашевский и Менжинский. За несправедливое обращение с казаками Гоголь был убит. Его место занял Куница“. (Маркевич. История Малороссии)...

Считая безусловно необходимым иметь в своей армии как можно больше казаков, король еще раньше послал Ворону и Менжинского собирать их, но у них дело не спорилось. Запорожцы в это время были в походах. Часть их ушла промышлять над турками и татарами. „Много их было на Дону, где они вместе с Донцами под предводительством Михаила Стародуба и Калены Радионова готовились сцепиться с Россией и пошли на Волгу и Яик“. (Вл. Молчанов. Запорожцы под Веной „Россия“ № 9).

Запаздывание казаков очень беспокоило короля. Еще из под Брна он писал королеве: „Что там слышно о казаках, уведоьте меня и подгоните их за мною, сделав выговор полковнику Менжинскому, что ни разу не отозвался“.

31 августа он снова пишет королеве: „Злой человек полковник Менжинский, был уже во Львове, а не пишет ни словечка о казаках и о том, что сделал на Украине... А я ни о ком так не думаю, как о казаках, о которых не раз вздыхаю на день... И потому единственно о чем прошу: казаков! Если придут дай им подводы, а без других людей мы можем обойтись“. (Молчанов, там же).

Казаки, шедшие к королю с Куницей, присоединились к нему в Стрыгони (Маркевич, История Малороссии), но это повидимому не удовлетворяло его. Он продолжал волноваться по поводу запаздывания Менжинского. Уже 9 сентября король, описывая жене, как постепенно к нему подходят войска, в заключение говорит: „но что мне до них всех, когда казаки с Менжинским уже во время не прядут, а они тут наинужнейшие люди, особенно при переходе через эти негодные горы и леса. А без пусть будет над всем воля Божия“... („Дило“).

Наконец под Братиславою к королю прибыли Ворона и Менжинский с наскоро собранным на Украине войском.

Король пишет: „Ворона и Менжинский уже здесь. Казаки же Семен (Палей, вожь правобережных казаков) и др. — пускай идут обыкновенным путем (не через Венгрию). Сколько у вас есть казаков, пускай все идут сюда. („Россия“).

Но после испытания оказалось, что пришедшие с Менжинским люди были не казаками. „Мы пробовали казаков ночью и водою, чтобы они на той стороне сделали что нибудь путное, или по крайней мере о чем нибудь поразведали. Но эти — каналы — и не стоит на них никак полагаться; — теперь они признаются сами, особенно Ворона, что взяли простых мужиков, потому, что не могли так скоро достать казаков“.

„Наконец подошла долгожданная запорожская пехота — сичевки, поразившая своим видом европейских союзников Собесского, которые никак не могли понять: почему это король так нетерпеливо ожидал казаков и не решался вступить в бой, имея блестящие европейские войска, до прихода толп каких то оборванцев“. (В. Молчанов. „Россия“). (Казаки на войну выходили в самом худшем платье).

С приходом Запорожцев король решил начать сражение и подошел к Вене.

Союзная армия состояла из войск герцога Лотарингского, присоединившихся к ним немецких войск (30 т.) под начальством Курфюрстов Баварского и Саксонского и польских войск (40 т.), всего 110 тысяч (Энциклопед. воен. и морских знаний ген. Леера т. 11).

Ян Собеский принял на себя общее руководство военными действиями, переправился с союзниками на правый берег Дуная у Кремса и Тульни (выше Вены), откуда решено было идти кратчайшим путем к городу через дефиле Винервальд. Проходы эти не были заняты турками.

При появлении союзников Кара Мустафа разделил свою армию, доходящую в то время до 180 тыс., на две части. Одной приказал возобновить штурм городской ограды, а другую, сильнейшую, построил в боевой порядок, выслал вперед на своем правом фланге янычар для занятия теснин у Нуссдорфа и Гайлигенштадта.

Ян Собеский разделил свои войска на три колонны: 1-я, под его личной командой, состояла из польской кавалерии и казаков, средняя — из баварских и франконских войск под начальством курфюрста Баварского, левая — из саксонцев и императорских войск под начальством герцога Лотарингского. Атака назначена на 12 сентября...

Правая и средняя колонны должны были пройти длинный пуу по узким каменистым дорогам. Они спустились на равнину лишь в два часа дня. И с этого только времени сражение завязалось по всей линии, представлявшей обширный полукруг от Дуная до р. Вены. Самый упорный бой завязался на правом фланге, впереди Дорибаха между турецкой конницей, предводимой самим Кара Мустафой, с одной стороны, и казаками и польской кавалерией, во главе которых стоял сам король, с другой.

Наконец, король выпустил свою „ударную“ часть. Он пишет о ее действиях так: „Казаки пошли столь быстро, смело и мужественно, что, скрытые в дыму, не только предместья, сараи, но и первый полисад взяли, воротами овладели и свои знамена с крестами водрузили на них... Благоволи на радость ксензу нунцию переказать, любовь моя, казаки очень поправили (дело), славу заслужили большую“. („Россия“).

К 5 часам турецкая армия приведена была в полное растроство и обратилась в бегство. Часть турецких войск, оставленных Кара Мустафой в траншеях, во все время боя не переставали штурмовать брешу, но взятые в тыл под конец сражения Герцогом Лотарингским и атакующие с фронта гарнизоном и герцогом Баденским, окончательно были истреблены. Ночью запорожцы пробрались в центр турецкого расположения и подорвали склады пороха и снарядов. Паника охватила турок... А на другой день войска Собесского, воодушевленные успехом, ворвались и в последний оплот турок.

13 сентября король вступил в Вену...

Он мог торжествовать победу тем более, что самый ответственный бой, решивший сражение, выдержал он с казаками и своей конницей...

О казаках король писал своей жене: „... Казаков носили на руках; они были героями дня, получили богатую добычу и королевский универсал с привилегиями“...

Участвовали ли Донские казаки в сражении под Веной, под Каменцом, Белградом и Валахию? Непосредственных указаний на это нет. Но в то же время участие их, если не под Веной, то в последующих боях несомненно. Это видно, между прочим, из следующих двух документов:

Гетман левобережной Украины Самойлович в донесении своем царям Петру и Федору писал: „Следует иметь всегда строгий надзор над донцами, потому что Коронный Гетман Польский хвалится их пособием. Донцы, войдя в сношение с поляками через правобережного полковника Палия и Кошевого атамана Григория Еремеева (Сагайдачный), приняли посланцев короля и, несмотря на гнев московского царя за прежний поход, вновь в 1684 г. помогали Собесскому“. (Вл. Молчанов. „Россия“).

В своей отписке (1685 г.) кошевому Сагайдачному донцы вновь говорят о том, что „за прежний поход“ был на нас великий государей гнев“.

Как в том так и в другом случае „прежним походом“ мог быть поход только под Вену в 1683 г. или в Валахию вместе с Запорожскими казаками.

В последующих боевых действиях Яна Собесского с турками (1684-1686 г. г.) Донские казаки оказали королю большую услугу.

Мир, заключенный Москвою с Турцией и Крымом, и присяга донцов Московскому царю в 1671 г., не позволяли им открыто выступать на стороне польского

короля. Но вот в 1684 г. явились в Черкасск послы от Запорожского кошевого атамана Григория Сагайдачного, просить казаков на службу польскому королю, который имел в это время войну с крымцами и турками, и с просьбой пропустить послов к калмыцкому хану Аюке, которого он просил напасть на Крым, обещая как Аюке, так и казакам за такое воспомоществование большое вознаграждение“ (Сухоруков Истор. описан. стр. 323).

В начале 1685 г. донцы снова получили письмо от запорожского полковника Семена Палея о том, чтобы дозволено было охотникам вступать на службу польского короля. Войско снова отказало в этом. Но за то объявило само войну Турции и Крыму, вопреки строжайшему запрещению московского царя.

В своей отписке Запорожскому кошевому атаману Григорию Сагайдачному донцы пишут: „А что прислал к нам, войску, король „лист“ о походном деле и то перво, вешняя пора и летняя прошла, итить нам к нему неколи, и мы о том... свое письмо королю послали и о всем отписались, что о прежнем походе великих государей на нас гнев и ныне мы того же опасны; а чуючи его королевскую войну, мы войском с азовцы размирились и ходили многие казаки конною в

походы... также и судовою на море ходили тысячи с четыри и с войском промысел над ними чинили, суда брали и на улусы били... А ныне мы судовою на Азовское море идем многими людьми для поиска над неприятели и для помешки его же королевским неприятным людям и воинскому их промыслу для остановки. А товарища нашего мы войском отпустили к вам июль в 20-й день“ (Дела Донские. Отписка войска Дон. Запор. кош ат. Гр. Сагайдачному 1685 г. Истор. Описан. стр. 325).

Из этой отписки видно, что казаки не пошли к Собесскому вследствие того, что прошла весна и проходило лето, но за то они решили всеми силами помогать ему, нападая на турок и татар на море и на суше, чтобы отвлечь на себя часть общего противника. Такая помощь была весьма существенна.

За самостоятельное объявление войны туркам и татарам московские цари прислали на Дон грамоту, в которой „укоряли казаков в непостоянстве и в нарушении данной царю присяги“.

Но уже 28 июня 1686 г. донцы совершенно неожиданно получили от царей позволение нападать на владение Турецкого султана и Крымского хана. Им сообщалось при этом, что с Польшей заключен мир.

Филипп А. Якименко.

Восстание казаков ст. Старощербиновской.

(Апрель 1918 года).

Как участник напишу об этом восстании по памяти, так как документов у меня никаких не сохранилось.

Теплый солнечный апрельский день 1918 года. Но казаки хмуры и не веселы; Советская власть (русских людей) стала все больше проявлять свои репрессивные меры по отношению к казакам. Иногородние ликуют и всецело на стороне новой власти.

Во второй половине апреля последовало распоряжение о мобилизации казаков последних четырех годов присяги. На это казаки категорически заявили, что они могут пойти по мобилизации только при условии, если одновременно будет призываться не менее десяти возрастов казаков, каковые должны быть вооружены на месте, т. е. в станице, и начальниками к мобилизованным казакам должны быть назначены исключительно свои казачьи офицеры. Большевики, зная настроение казаков, сразу представили себе картину, что о может произойти при мобилизации одновременно десяти возрастов...

Большевицкое начальство видя такое положение, решило офицеров изолировать от казаков, так как предполагалось, что офицеры виноваты в том, что казаки отказываются от мобилизации. Было издано распоряжение обратиться всем офицерам в станичный комиссариат, откуда их под стражей предполагалось отправить в гор. Ейск, где, безусловно, большинство ожидала тюрьма.

Вызов офицеров в комиссариат, насколько мне помнится, был назначен на 28 апреля, но этого числа я уже был в пути, как потом мне передали, из офицеров в этот день явились в комиссариат только сотник Ячевило и прапорщик Цокур (они были уже напитаны большевиками идеями и всецело были на стороне советской власти).

27 апреля 1918 года в 2 часа дня меня известил мой брат о том, что ст. Новошербиновская, расположенная в 18 верстах от нашей станицы, организует восстание против советской власти и что такая организация там происходит уже три дня. Получив такое известие, я сейчас же об этом оповестил еще двух офицеров и предложил им совместно со мною в тот же вечер отправиться в ст. Новошербиновскую, но один из офицеров отказался от моего предложения.

27 апреля в 10 час. вечера я и сот. Елисеев, вооружившись револьверами, вышли из станицы и незаметно от большевицких караулов перешли железнодорожный путь и направились в ст. Новошербиновскую, с

рассчетом к утру 28 апреля быть в таковой, но благодаря сильному дождю с ветром, мы вынуждены были на рассвете сделать остановку в одной из пустых степных хат, в которой просидели до 6 час. вечера и только около 9 час. вечера мы прибыли в Новошербиновскую. Станичный атаман нам сообщил, что сформированный отряд из казаков ст. Новошербиновской и Новоясенской выступил на закате солнца на ст. Старощербиновскую под командой начальника отряда подесаула Касьяненко. Совместно с отрядом выступил и находившийся в то время в станице полк. Топорков.

Там же, в станичном правлении, я встретился с подесаулом Деревянко, ст. Копанской, который меня представил подесаулу Подгорному (если не грешу, кажется такая его фамилия). Последний, как мне в то время передали, прибыл из отряда ген. Корнилова для поднятия в казачьих станицах восстания и руководства таковым. Я спросил подес. Деревянко, знает ли он этого подесаула и имеет ли он соответствующие документы. На это подес. Деревянко заявил, что названного подесаула первый раз видит, а также и о его документах ничего ему неизвестно.

После нашего разговора, подес. Деревянко с названным подесаулом выехали в ст. Копанскую, а я с сот. Елисеев, получивши по распоряжению станичного атамана верховых лошадей, направились к отряду в ст. Старощербиновскую. В отряд мы прибыли в то время, когда таковой находился в двух верстах от железнодорожной станции. Отыскав начальника отряда подес. Касьяненко и полк. Топоркова, я информировал их о положении в станице и настроении казаков. Около 11 час. ночи 28 апреля была занята железнодорожная станция и захвачено около 15 чел. большевиков, охранявших станцию, а в 12 час. уже занята станица и все учреждения. В станице большевицких войск в то время не было, за исключением небольшой местной стражи, которая обслуживала станичный комиссариат. На сотника Елисеев была возложена задача произвести арест всех комиссаров и др. лиц, большевицки настроенных. Получивши такое распоряжение, сот. Елисеев, совместно с прапорщиком Черным и 30 казаками, отправился в станичный клуб, где в ту ночь было какое то гулянье и неожиданно для большевицких заправил они все были арестованы и заключены в станичном карцере. Успел скрыться только один комиссар, учитель Бугаенко. В занятых Старощербиновской и железнодорожной станции оружия было очень мало,

всего несколько десятков винтовок и небольшое количество патронов. Начальник железнодорожной станции, казак ст. Качалинской, Донского Войска, Петр Алексеевич Перфильев откопал в своем сарае 10 винтовок и 1200 штук патронов и передал их начальнику отряда. Это оружие он хранил в своем сарае. Будучи истинным казаком, он хорошо знал, что в нужный момент оружие казакам будет потребно в борьбе за свое казачье право. Вообще г. Перфильев очень много содействовал во всем восставшим казакам.

Штаб отряда расположился в железнодорожной станции. Начальник отряда, под'ес. Касьяненко, приказал некоторым сотням разобрать железнодорожный путь в двух верстах от станции в направлении Ейска и ст. Староминской. В это время последовали запросы по телефону из Ейска и ст. Староминской, все ли благополучно в Старошербиновской. Ответили: да, благополучно. После этого спрашивали, «что известно относительно ст. Новошербиновской, частно нам известно, что там восстали казаки против советской власти?» Большевики были очень осторожны и на рассвете 29 апреля выслали из г. Ейска и ст. Староминской малые пробные поезда со стражей. Эти поезда должны были иметь встречу в ст. Старошербиновской, но до нея они не дошли, а потерпели крушения на тех местах, где были разобраны железнодорожные пути. В этих поездах было захвачено до 70 чел. вооруженных большевиков, при двух пулеметах.

Утром 29 апреля в ст. Старошербиновской ударили в набат. Через час церковная площадь была полна народом. К собравшимся прибыл начальник отряда под'ес. Касьяненко и объявил о том, что ст. Новошербиновская и Новоясенская восстали против большевицкой власти, чаша казачьего терпения переполнилась и дальше не может казак терпеть большевицкое ярмо, а хочет в борьбе отстаивать свое казачье право и жить на своих вольных степях самостоятельно... К этой борьбе Касьяненко призывал и Старошербиновцев, которые с большой охотой присоединились к восставшим. На этом же собрании был избран атаман станции, вахмистр Швагер, и решено провозгласить мобилизацию казаков до 40 лет в строй и от 41 до 45 лет в обоз. Сбор казаков был назначен в 11 час. дня около железнодорожной станции. После 12 час. дня собравшиеся казаки произвели выборы старших начальников. Командиром конницы был избран сотник Н. Иващенко. Командиром пластунского батальона пластуны избрали меня. Я отказывался и предлагал пластунам избрать другого командира, при этом заявил, что среди офицеров есть старшие в чине. На мое заявление пластуны мне ответили, что меня они все хорошо знают по Европейской войне, а потому и просят и в эту трудную обстановку быть им батьком командиром, при этом заявили, что мне будут беспрекословно во всем подчиняться, как дети отцу, и со мной пойдут куда угодно. После этого я приступил к формированию пластунского батальона. Через два часа батальон мною был сформирован (5-ти сотенного состава, при 21 офицере, 3 чиновниках и до 1500 чел. пластунов). Одновременно сформированы и конные полки. О составе их точно сказать не могу, но полагаю, что состав их был до 900 человек при 5 офицерах и несколько чел. чиновников. Конные части огнестрельным оружием были вооружены очень слабо, а холодное оружие казаки конных полков имели почти все. Пластунский батальон имел до 250 винтовок и к ним патронов от 20 до 30 штук на винтовку. Небольшая часть пластунов была вооружена охотничьими централками, остальное вооружение у пластунов было очень разнообразное, как например: вилы, топоры, лопаты и наскоро сделанные в кузницах пики. Вот с таким вооружением казаки ст. Старошербиновской и восстали против большевиков на защиту своих казачьих прав.

Настроение вначале было хорошее. Казаки говорили: «лучше в борьбе за казачество умереть смертью героя, чем быть рабом у русских лапотников». Воспинали отваги и геройства своих предков Запорожцев и говорили, что и мы должны следовать их примеру. Казаки говорили, что «наши предки, Запорожцы, и в самые трудные минуты не теряли присутствия духа, а ободрая один другого, так говорили: чого бояться? —

смерти? — від неї і так не сховаєся... А по смерті остаеться слава...

Слава не вмре, не поляже,
Не поляже, а роскаже,
Що діялось в світі —
Чия правда, чия кривда
І чій мы діти...

По окончании формирования, сейчас же несколько сотен кавалерии и пластунов выступили на позицию в помощь новошербиновцам. Позиция занималась в двух верстах от станции и в двух направлениях на гор. Ейск и ст. Староминскую, а со стороны Донской области на сел. Горюдок и Екатериновское была для наблюдения выставлена конная застава. Штаб отряда по прежнему оставался на станции Старошербиновской. Остальные части были расположены также вблизи железнодорожной станции.

Около 6 час. вечера 29 апреля со стороны ст. Староминской подошел большевицкий бронепоезд и с дистанции 3-4 верст начал обстреливать артиллерийским огнем станцию Старошербиновскую и железнодорожную станцию. Обстрелом этим никакого вреда не причинено, так как разрывы снарядов были очень высокие. На бронепоезд наши конные части, при поддержке пехоты, бросились в атаку с двух сторон. Успеху этой атаки помешал прапорщик Цокур, который вел конные части на бронепоезд от ст. Старошербиновской. Когда настал момент атаки, он скомандовал конным частям отступить и передал казакам, что справа на них идет в атаку большевицкая кавалерия, а в действительности то были Новошербиновцы и об этом прапорщику Цокуру было известно (что одновременно с ним с правой стороны на бронепоезд пойдут в атаку конные части Новошербиновцев). Благодаря такому, создавшемуся по вине прапор. Цокура, положению большевицкий бронепоезд ускользнул из казачьих рук.

После неудавшейся атаки, наши части заняли прежнюю позицию, а большевицкий бронепоезд ушел в ст. Староминскую.

Хочу отметить непонятное в то время для меня обстоятельство, а именно: по окончании формирования частей начальник отряда под'ес. Касьяненко не устроил ни одного офицерского совещания, на котором необходимо было выяснить многие вопросы касавшиеся восставших казаков, а главное, выработки плана военных действий. Благодаря, с одной стороны, халатности, а с другой, — неопытности под'ес. Касьяненко, отряд и не мог нормально вести военные операции.

Около 10 час. вечера 29 апреля мне было сообщено, что моего батальона командиры сотен под'ес. Кравчина и сотник Яцевило самоправно распустили свои сотни по домам. Почему они это сделали, мне об этом не сообщили и сами ко мне не явились. Такую положению я не удивился, ибо хорошо знал, что из себя представляют под'ес. Кравчина и сот. Яцевило. Последний был в полной мере большевик... Под'ес Кравчина также напуган был в достаточной мере большевицкими идеями...

О случившемся мною было доложено начальнику отряда под'есаулу Касьяненко и полков. Топоркову. Я предложил арестовать Кравчину и Яцевило. Мое предложение было отклонено.

После роспуска сотен (как потом мне было передано), сотн. Яцевило пригласил к себе в дом под'ес. Кравчину, прапорщ. Цокура и несколько казаков для совещания, где и было решено восстание во что бы то ни стало провалить.

Около 11 час. ночи я получил приказание от полк. Топоркова двгаться на г. Ейск. Я спросил последнего, есть ли связь с отрядом, который действует под г. Ейском? На это получил ответ, что из под Ейска никаких сведений еще не имеется. После этого я заявил Топоркову, что не зная обстановки, вести людей без оружия в неизвестность с моей стороны было бы преступлением. Тогда мне было приказано обождать, но быть в полной готовности к походу на подвода. Через небольшой промежуток времени полк. Топорков предложил мне с батальоном двгаться на ст. Староминскую, при этом сказал, что через два часа за мною двинется весь отряд. Скоро я вновь был позван к полк. Топоркову и

получил приказание отправиться и взорвать железнодорожный мост в направлении ст. Староминской, при этом полк. Топорков сказал, чтобы я эту операцию провел как можно скорее, но добавил, что этот мост большевиками не занимается.

Незвирая на такое заявление, я с пол пути поручил вести сотни хорунжему Е. Ксеничу, а сам с команд. сотни сот. Елисеенко и 10 чел. пластунов отправился к мосту на разведку. Подойдя к мосту, мы заметили, что около него стоит с потушенными огнями большевицкий бронепоезд. Видимо услышал наш шорох, бронепоезд открыл пулеметный огонь. Мы залегли... В ответ на мое донесение, полк. Топорков приказал мне возвратиться обратно на станцию.

Было около 2 час. ночи. Я пошел к начальнику отряда, под'ес. Касьяненко, и доложил ему о том, что ввиду того, что мост охраняется большевицким бронепоездом, взорвать таковой не представляется возможным. При этом я спросил, какие меры он полагает предпринять в дальнейшем. На этот раз начальник отряда и полк. Топорков спросили меня, как бы я поступил. Я высказался за то, чтобы немедленно, пока еще ночь, послать в тыл большевицкому бронепоезду конные части, которые должны к утру в нескольких местах разобрать железнодорожный путь, а к этому времени подойдет туда пехота и займет там позицию, а с рассветом со стороны ст. Старощербиновской броситься в атаку на бронепоезд и захватить таковой.

На мое заявление под'ес. Касьяненко сказал, что с этим надо еще немного обождать. Чего они хотели ждать, для меня в то время было совершенно непонятно.

После этого я спросил, почему отменено распоряжение о наступлении на ст. Староминскую. На это полк. Топорков сказал, что отряд в свое время туда пойдеть... Я заявил, что отряд не должен бездействовать, он должен двигаться дальше и призывать другие станции на борьбу с большевиками. На это полк. Топорков и под'ес. Касьяненко сказали, что они намерены так поступать.

Когда я возвратился к батальону, сот. Елисеенко и хор. Ксенич меня спросили какие я получил от начальника отряда дальнейшие указания. Говорю: никаких, пока. Сот. Елисеенко сказал на это: как видно со всего, наш начальник отряда и полк. Топорков приведут нас к большевицкой петле, а не к желанным целям... Позже подтвердилось, что результаты восстания были печальные, так что слова сот. Елисеенко вполне оправдались...

На рассвете 30 апреля казаки моего батальона мне сообщили о том, что штаб отряда неизвестно куда ушел из железнодорожной станции. Я начал искать начальника отряда под'ес. Касьяненко, но такового не мог найти, а в это время мне сообщил прапорщик Т. Сарана, что полк. Топорков находится сейчас на железнодорожном переезде, ожидает лошадь и направляется в ст. Новоощербиновскую. Я поспешил к переезду где и захватил полк. Топоркова, который в то время разговаривал с караулом, охраняющим переезд. Я спросил его о положении. Он сказал, что отряд отступает на ст. Новоощербиновскую. Тогда я ему задал вопрос, могу ли я знать, чем вызвано это отступление. На это полк. Топорков мне сказал, что все это делает начальник отряда под'ес. Касьяненко по стратегическим соображениям. После этого я спрашиваю, почему же мне, как командиру батальона, не дано никаких указаний? Тогда полк. Топорков приказал сейчас же с батальоном двигаться на ст. Новоощербиновскую. Кроме того сказал, чтобы я по телефону со станции передал его распоряжение атаману станции о том, чтобы он немедленно всех арестованных под караулом направил в ст. Новоощербиновскую.

Отдав распоряжение батальону приготовиться к отступлению, я сам пошел на станцию передать по телефону распоряжение атаману станции. На обратном пути меня встретил фельдфебель Е. Голик и доложил, что батальон готов и что пластуны просят меня прийти к ним. Я направился к батальону и спросил пластунов, что они хотят. Пластуны меня просили сообщить им сведения о боевой обстановке и причину нашего отступления. Я объяснил, что оставить станцию Старощербиновскую приказано начальником отряда под'ес.

Касьяненко, отряду же сгруппироваться в двух верстах от ст. Новоощербиновской, а какие последуют в дальнейшем распоряжения боевого характера, об этом неизвестно. Объяснил также пластунам, что не надо бояться того, что мы оставляем станцию, ибо, быть может, отряд через несколько часов вновь возвратится в ст. Старощербиновскую, но только с другого направления. После этого я приказал батальону двигаться на ст. Новоощербиновскую. Имел ли какие распоряжения относительно отступления командир конных частей сотник Иващенко, мне также не было известно.

Отступление наше укрыл густой утренний туман, а по этому большевицкий бронепоезд, находившийся в то время у железнодорожного моста, лишен был возможности обстреливать наш отход. Как впоследствии выяснилось, после нашего ухода сейчас же на железнодорожную станцию явился прапорщик Цокур, а к этому времени уже собралось много пластунов из тех двух сотен, которые с вечера были распущены по домам командирами сотен под'ес. Кравчина и сот. Яцевило. Прапорщ. Цокур устроил митинг, на котором выступил с призывом прекратить восстание и „будем жить по братски с большевиками“. Когда казаками было заявлено, что они будут наказаны за участие в восстании, тогда пр. Цокур сказал, что он гарантирует им всем безопасность, при условии, если они освободят арестованных комиссаров и большевиков, которые сейчас будут сопровождаться под конвоем в ст. Новоощербиновскую. Когда арестованные подошли к станции, прапорщ. Цокур с собравшимися казаками таковых освободили. Комиссары вновь заняли свои места, а казаки после митинга разошлись по домам.

30 апреля около 10 час. утра отряд сгруппировался и расположился под ст. Новоощербиновской. По прибытии к месту расположения отряда, я привел батальон в порядок и произвел подсчет людей. Оказалось, прибыло пластунов только половина; офицеры также прибыли не все. Остальные, под влиянием пропаганды под'ес. Кравчины, сот. Яцевило, прапорщ. Цокура и др., остались в станции. К 12 час. того же дня из ст. Новоощербиновской были подвезены в достаточной мере продукты на весь отряд и фураж для лошадей.

Я был уверен, что в этот день начальник отряда под'ес. Касьяненко с полк. Топорковым устроят офицерское совещание, на котором необходимо было разрешить многие вопросы, ибо этого требовала сама обстановка того времени, но к большому сожалению наш начальник отряда о такой вещи видимо и не подумал. Отряд несколько дней был в бездействии, а это и послужило причиной неудачи всего дела.

Две ночи я своим батальоном занимал сторожевое охранение в направлении на ст. Старощербиновскую. 2 мая уже был замечен упадок духа у казаков. В отряде пошла пропаганда за то, чтобы прекратить восстание и разойтись по домам. Как это ни печально, а кроме казаков, вели пропаганду и офицеры, как напр. сотник К. Байбуз, ст. Новояесской, сот. Симоненко и пр. Замота, ст. Новоощербиновской, хорунг Васильченко и прапорщ. Сербин, ст. Старощербиновской. и др. В этот же день из ст. Старощербиновской прехали два казака и передали о том, что в станцию прибыло много большевицких войск и артиллерия, и что с рассветом эти войска поведут на наш отряд наступление. Хотя эти сведения были и ложные, но на казаков они подействовали в достаточной мере. Вечером 2 мая около 400 челов. пластуны из моего батальона заявили о том, что они в отряде дальше не желают и намерены вернуться в станцию, ибо вести борьбу без оружия с вооруженными большевиками находят невозможным, да и нет веры в нашего начальника отряда. Я об этом доложил начальнику отряда и полков. Топоркову. Они мне сказали, что насильно в отряде удерживать никого не надо. После этого оружие было передано по моему приказанию остающимся в отряде. В батальоне еще оставалось до 300 челов., которые были перестроены в 2 сотни, винтовки имелись теперь у всех. Уход из отряда казаков ст. Старощербиновской очень подействовал на Новоощербиновцев и Новояессенцев. Точно не помню, но кажется 3 мая около 2 час. дня было сообщено в отряд, что большевицкий переезд, около

50 человек, занял ст. Новоясенскую и захватил в плен возвращавшегося в то время из отряда атамана станицы вахм. Байбуза, который и был раз'ездом увезен в ст. Староминскую в штаб большевицкого отряда. По получении этих сведений начальник отряда выслал в ст. Новоясенскую одну конную и одну пешую сотню, но когда наши части прибыли в названную станицу, то большевицкого раз'езда уже там не было, по заявлению жителей таковой оставил станицу двумя часами раньше, до прибытия туда наших частей. Захваченный большевиками в плен атаман станицы вахм. Байбуз, несмотря на то, что его родной брат сотник К. Байбуз был большой приятель большевиков, не мог защитить своего брата и он через несколько дней был расстрелян в ст. Староминской.

Видя полное бездействие начальника отряда, я с несколькими офицерами пошел к нему выяснить обстановку и причину нашего бездействия. При разговорах заявил, что такое бездействие через несколько дней наш отряд может привести к весьма печальным последствиям; при этом указал на ведение среди казаков вредной нашему делу пропаганды. Под'ес. Касьяненко сказал, что ему все хорошо известно, при этом заявил, что он ожидает сведений о боевых операциях из отряда под'ес. Подгорного, который действует под гор. Ейском; туда послан, как он заявил, один офицер, каковой возвратится обратно сегодня или завтра.

Отряд, действовавший в то время под гор. Ейском, состоял из казаков станиц Новоминской, Новодревянской, Чепигинской, Привольной, Копанской, Ясенской, Должанской, Камышевской, Александровской и других.

Не могу точно сказать какого числа, 3 или 4 мая, вечером из под гор. Ейска прибыл один офицер и чиновник, которые привезли неутешительные вести: отряд, действовавший под гор. Ейском, в бою понес значительные потери и отступил, а после этого арестован начальник отряда под'ес. Подгорный за измену (в чем была эта измена, мне неизвестно). На место арестованного начальника отряда избран есаул Головин, который, как заявил прибывший офицер, завтра утром с отрядом прибывает в ст. Новоцербиновскую. Привезенные сведения не удовлетворяли, а окончательно деморализовали казаков нашего отряда, они говорили, что без оружия вести борьбу мы бессильны и нам остается одно: бросить нашу затею и разойтись по домам.

Утром следующего дня, по распоряжению под'ес. Касьяненко отряд наш направился в ст. Новоцербиновскую, а около 9 час. утра, по дороге на ст. Копанскую, показались колоны отряда, который действовал под г. Ейском. Какой силы был прибывший отряд, сведений об этом не имею, но скажу, что если бы оба отряда были переформированы в один отряд, то это была бы очень большая сила и при опытном начальнике свободнo можно было вести борьбу успешно дальше при всякой обстановке.

В одном из прибывших конных полков красовался очень изящный белого шелка значек с вышитой надписью, которая осталась до сего времени у меня в памяти: она гласила „За Волю Казачества“.

Прибывшие части собрались на церковной площади, около станичного правления, где состоялся митинг.

Прибывшие, зная настроение новоцербиновцев, выступили с призывом на борьбу с большевиками, говорили многие офицеры, многие казаки, в особенности очень убеждал и призывал к борьбе бывший атаман ст. Новоминской Припихайло. Несмотря на все это, новоцербиновцы категорически от борьбы отказались. От новоцербиновцев говорили сотник Симоненко, пр. Замота и др., которые настаивали на том, что борьбу надо прекратить и казакам лучше сидеть дома, чем идти в неизвестность и напрасно проливать братскую кровь.

Видя нежелание новоцербиновцев продолжать борьбу с большевиками, их просили передать оружие тем, кто будет продолжать борьбу. На это сот. Симоненко и др. заявили, что оружие им самим необходимо для защиты свободы. Все эти переговоры продолжа-

лись несколько часов, но никаких желательных результатов они не дали.

После этого отряд разделился на две группы и вышел на окраину станицы, одна группа в направлении по дороге на ст. Новодревяновскую, а другая по дороге на станицу Копанскую. Я также со своими офицерами и остатками батальона вышел на окраину станицы по дороге на ст. Копанскую. Было ли какое содействие старших начальников в ст. Новоцербиновской мне не известно. С есаулом Головиным, который привел отряд, мне видется не пришлось, а случайно я встретился с есаулом Рудько и при разговорах я спросил такового о положении и настроении казаков в отряде. Он сказал, что об этом при настоящей обстановке сказать ничего нельзя, при этом добавил, что он находился в г. Таганроге и по просьбе казаков несколько дней тому назад прибыл в отряд, но сейчас жалеет, что приехал, ибо видно по всему, что к хорошему это восстание не приведет...

Среди казаков уже носились слухи о том, что наш Начальник отряда под'ес. Касьяненко и полков. Топорков из станицы неизвестно куда убежали. Такие слухи скверно подействовали на казаков. Около 5 час. вечера казаки устроили митинг, на котором высказали свое решение о прекращении борьбы и возвращении по домам. Тут же пешие части высказались об аресте всех офицеров; на такое решение конные части не согласились и при этом заявили, что офицеры ни в чем не виноваты, если бы казаки не восстали, то и офицеры сидели бы дома. Конные части заявили: раз решение борьбу прекратить, то виновников нам искать не надо и никаких арестов быть не должно.

С наступлением темноты части восставших казаков направлялись в свои станицы, не зная, как им „отблагодарят“ большевики за их восстание.

Я с двумя офицерами и двумя казаками на подводе отправился на хутор казака М., а остатки батальона группами ушли в свои степи.

На другой день около 9 час. был слышен набат церковного колокола в ст. Новоцербиновской. У меня было большое желание узнать, что происходит в названной станице. Я, казак М. и его зять переоделись и, вооружившись револьверами, на линейке отправились в ст. Новоцербиновскую. Прибыли в станицу и под'ехали последним кварталом поближе к станичному правлению, где увидели большевицкий автомобиль с комиссарами и собравшихся казаков. Один, стоя в автомобиле, кричал на казаков, что большевики не могут казаков называть своими братьями до тех пор, пока они не снесут всего оружия, как огнестрельного, так и холодного в станичный комиссариат. Казаки в это время с поникшей головой сносили свое оружие. Я уверен, что в то время они жалели о своем поступке, но было поздно. Увидев происходящее, мы вновь возвратились на хутор.

Вполне резонно задать вопрос, что послужило причиной к тому, что казаки, восставшие (более 10 станиц одновременно!) на борьбу с большевиками за свое право, эту борьбу через неделю прекратили? Не могу ничего сказать об отряде, который действовал под г. Ейском, укажу только на действия отряда, который состоял из казаков ст. Староцербиновской, Новоцербиновской и Новоясенской. Отряд, сформированный в ст. Новоцербиновской неудачно избрал начальником отряда под'ес. Касьяненко. В то время не надо считаться с чинами, а у Новоцербиновцев в то время были свои офицеры, были люди далеко опытнее и образованнее, чем под'ес. Касьяненко...

Отряд в ст. Староцербиновской простоял в бездействии больше суток, а после того по неизвестной причине оставил таковую и отступил обратно к ст. Новоцербиновской где также бездействовал несколько дней. Видя такое положение, казаки не имели веры в Начальника отряда под'ес. Касьяненко, а где нет веры, там не может быть и успеха. Вот одна из главных причин, которая привела так скоро отряд к распаду и к прекращению дальнейшей борьбы. Конечно, помогла и пропаганда, которая велась среди казаков офицерами: под'ес. Кравчина, сот. Ячевило, сотн. Симоненко, сотн. Байбуз, хор. Плюский, хор. Васильченко, Подпоруч.

Покур, пр. Замота и др. Эти офицеры были в достаточной мере напитаны „большевицкими идеями“, а потому и были противниками борьбы.

Чем же большевики отблагодарили казаков за то, что они так скоро прекратили борьбу против них? Вот она, благодарность: в ст. Новоаясенской расстрелян атаман станицы вахмистр Байбуз. В ст. Новошербиновской было зверски убито большевицкими палачами 11 человек, из них 8 чел. офицеров, а именно: 11 Кубанского пластунского батальона сотник Кадькало, прап. Черный, прап. Гришко и др. (остальных офицеров фамилий не помню), священник о. Алексей Мелеоранский, урядник Фесечко, бывший станичный атаман, и подхор. георгиевский кавалер (фамилию не помню). А бывший начальник отряда под'ес. Касьяненко никакого наказания не понес, а через несколько дней уже состоял на службе в частях большевицких войск, расположенных

в то время в гор. Ейске и с отрядом большевиков в одно время приехал на Старошербиновскую железнодор. станцию наводит порядки (10 дней тому назад он эту станцию занимал с отрядом восставших казаков)... Предоставляется право казакам судить о том, что из себя представлял под'ес. Касьяненко...

Пусть заклеятся проклятиями имена тех, кто был предателями и по чьей вине после восстания от рук большевицких русских палачей наши герои приняли мученическую смерть. Память о Вас, Бесстрашные, отдавших свою жизнь за волю казачества и свою родину, мать Кубань, в казачьих сердцах будет жить вечно. Если Богу и судьбе будет угодно, в свое время казаки воздвигнут достойный памятник мученикам-героям, к которому никогда не зарастет казачья тропа...

20 июня, 1933. Югославия.

Владимир Куртин.

Черный Всадник.

На приморье, на море с островами льется жар солнца — огромного, как свод небесный; неистового, как сила божья...

На бело-мглистом небе — ни облачка. Из бело-мглистого неба сыплется огневой дождь... А ненасытная кудрявая зелень, точно разжеванная любовница, ждет еще и еще огневых поцелуев. Будто вытянув свои гибкие шеи — ветви, недыша, подставила миллиарды уст — листьев — плодотворящим лучам и, очастливленная, чутко прислушивается к новой жизни в сердцевинах своих плодов, в узлах корней.

Вся природа — живая и „мертвая“ — подставила свои бока и спины лучам Великого Целителя и набирается сил для борьбы с зимой и непогодами.

Жар... жар... жар...

А в том жару, в недвижимом, раскаленном зное — немолчный, страстный, любовный сказ бесчисленных цикад.

Утром, как только выкатится из-за зубчатых вершин огненный шар, а по морю, по зеленому приморью разбегутся золотые лучи, из недвижной, „сунчащейся“ зелени разливается немолчная, бесконечная песня цикад.

Самих цикад не видно. Их ревниво скрывают в своей гуще и великан дуб, и стройный кипарис, и широколиственная, разлапая смоква, и раскидавшаяся по крутому скату маслина, и буйно разросшаяся лоза рдеющего винограда, и бор... Скрыли и — слушают. Слушают, что говорят-поют друг другу маленькие крылатые цикады.

А они поют, поют, поют...

Не могут не петь. В их груди — все лето. Все чары горячего, южного лета. Весь смысл бесконечной жизни...

И потому их „песня“ так властна. Их быстролетящее, захлебывающееся трикитиканье заглушило, заставило умолкнуть все другие звуки земли... И, чтобы вы ей делали, где бы ни находились, о чем бы ни думали, в ваших ушах, в голове звенит необузданная, торжествующая, наивно-задорная песнь любви пьяных от солнца, ошалевших от избытка страсти лупоглазых цикад. — Их неотвязное, составленное из бесчисленных уколов: тики — тики... три!.. преследует, гонит, окружает, давит... всецело поработая все ваши чувства, парализуя мысли...

Летом их сила, их власть. Ибо, имя им легионы. И потому — хочешь, не хочешь — не слушать их не можешь. Хочешь, не хочешь — не думать о них не можешь.

Ниспадет жара. Прольется дождь. Цикад не станет. И о всезаглушающем пении их забудете — будто его никогда и не было. Будто его никогда и не слышали... Ибо это — сезонное, легко сменяющееся; еще легче забывается...

Лето проходит под знаком трескотни цикад. Зима — под знаком бури... Проходит... проходит... проходит...

Проходят годы. Многие уже забылось. Многие стерлось в памяти, как будто никогда и не было. Многие, что волновало кровь, в чем мнились смысл и оправданье жизни, ныне случайно вызовет лишь слабую улыбку...

И лишь одно не проходит. Лишь одно не сезонное, одно не забывается:

Тоска по Родине...

С нею родились. С нею выросли — на родине без родины. Как байстрюки. С нею, вероятно, и умрем в изгнании...

Родина!. Земля родимая!. Тринадцатью годами, как тринадцатью могильными плитами, покрыта ты. И я уже не слышу твоего дыханья... Не чувствую уж, как и чем ныне бьется сердце твое...

13 лет. 13 каменных, могильных плит...

И лишь тоска под ними. С нею. С Родиной. За Родиной... Она, как червь, что

„rije bez prestanka

Stabla mog života

Korijenke tanke...“

И от этой тоски мне не уйти. Никуда. Кроме — в могилу...

Разбрелись по всему свету. Забрались и туда, куда еще никто и никогда до нас не забирался... Земля — большая. И одиночек на ней много... Так, по одиночкам в одиночку и засели...

За 13-ью годами пройдет 14-ый. На 13 плит ляжет 14-ая; за ней 15-ая... чернь подроеет корни...

... Казацкие корни... Казацкие корни!..

Два раза в месяц ко мне приходит гость: черный всадник, что с развевающимся по ветру знаменем Вольного Казачества, порывистый и легкий, ни на миг не останавливаясь, мчится по Казачьей Степи, озаренной восходящим солнцем.

В черном всаднике я вижу железную волю, его решимость: ни на миг не останавливаясь, сбрасывать позорные плиты забвенья, усталости и равнодушия самих казаков и метать подлость, злобу и ложь всех явных и тайных врагов Казачества, что не 13-ью, а 213-ью плитами хотели-бы скрыть от нас единое, что еще у нас осталось:

святую память о Вольном Казачестве. О предках наших...

Гляжу на коня, а думаю, что о говорит ему сейчас его наездник. И не нахожу других слов, кроме слов из „песни“ югославянского поэта:

„... Oj, napred, napred, vranče,

Kroz buru i oluj!..

Pa makar u smrti rnu,

U fmrni nepovzat!..“

Так лучше, брате. Лучше с знаменем свободы Родного Края в руках разбега разбить голову о препоны, подставляемые чужими и „своими“, чем дожи-

даться... когда желудок перестанет варить эмигрантскую пищу...

Ой, козак, козак! Орлы степовые!.. Иль взаправду вы переродились в... героев голубиного полета?! Почему вы не все, не все до одного с этим черным всадником?! Когда то слепые Перебенди ходили от куриня до куриня и под жалосливые звуки кобзы пели-плакали о казачьей неволе. — Розгоняли людям тугу...

Невозмогу им было переносить казачью недолгу. Неввозмогу перенести, что козак — сини слави — царі волі — кріпаками стали...

И под песню свою, под рыдальный аккорд бандуры тихо склонялись седою чупрыною к прадедовской земле...

А из земли — опять песня росла... Песня-Думка не умирала. Ширилась, крепла и в наши дни, в дни смертной схватки с красным колоссом, гогова была развернута в величественный гимн свободного Вольного Казачества...

Но —

... „не вміли ми боронити здобутую волю —
Роскуютю із кайданів козацькую долю“...

И вот уж 13 лет...

„Перебендей“ уже нет. Да и далеконько наши заграничные курени один от другого. Не дошкандибали-б старі сліпці с поводьями. И никогда уж не услышать бы нам родного слова...

Так с бесплодною тоскою, что сушит сердце, парализует волю, и дожили бы свои бесславные дни изгнания... Год за годом... Плита за плугом... Если-бы — не ротационный станок в Праге. Не черный всадник...

Два раза в месяц стучит копытом в казачьи одинокости степовой, родной скакун. Два раза в месяц тысячи истосковавшихся сердец забьются бодрым боем а тусклые, усталые глаза вдруг загорятся, заблестят

и побегут по мелким строчкам Книги Казачьих открытий...

Нет, черный всадник! Степь, по которой мчит тебя твой быстроногий конь, не так-то уж пуста! И твой призывный клич — не есть глас вопиющего в пустыне.

С тобою казачий чернозем!.. И идеи, написанные на твоём знамени, падают на благодарное, кровью предков промоченное поле... Скванное безмолвною тоскою сейчас, оно, под влиянием „соответствующих климатических условий“ (взойдет-же и нам солнце!) отзовется на твой клич стократными плодами... как настоящий казачий чернозем!..

Из тоски родится песня. А песня — искра, падающая на жаркое сердце.

... „Прийдуть, прийдуть великі дні!

Замовкне стогін без надії —

Заграють сурми мідяні

І вдарять громи огневії...“

Пой-же нам песни: лихие с посвистом и гиком бесшабашных голутвенных предков. Горькие — думки о наших невольных неудачах, о наших позорных сдачах...

Будем учиться. —

Чтоб уж скорей пришли Великі Дні! Чтоб уж замовкнув стогін без надії... И прокатились по Родному Краю казачьи

Громи огневії...

И не сумуй, что наша старшина не вся с тобою. Що де-які перелякались. А де-які од тебе відцурались — як Петро од Христа!..

На несчастье Казачества, так бывало и прежде. Так вот и сейчас... Дай Бог, чтоб хоть в будущем та и не было...

Подготовляй-же кадр старшин Вольного Казачества. Чтоб было кому взять на свои плечи

Культуру Родного Чернозема.

Думы и мысли.

Д. Захаров. (Смедерево).

Сон.

Вижу: Край Родной, залитый кровью,
Нечисть красную кругом,
Степь широкою в неволе,
На ней — русских мужиков...
Разорили все станицы,
Бьют коней и гонят скот,
В поездах везут пшеницу —
С голодухи мрет народ...
Сжалось сердце от той боли,
Глаз не мог сомкнуть я боле,
А в душе роптал на Бога:
До каких же пор, доколе?..

Ив. Томаревский. (Болгария).

Завыли...

Завыли враги нашей Воли повсюду...
Богаевский, Чапчиков бьет свой набат...
Позор нам, что эти казачьи Иуды
Рабами России остались опять!

Творят они то, что неведает сами —
По рабски на вытяжку только стоят.
Их лозунг — Россия и быть москалями,
А Волю казачью пора забывать...

Они громогласно бесчестно вещают,
Что мы, казаки, де лишь дети Руси...
И вновь „патриотами“ быть призывают,
Быть снова под лаптем кровавой Москвы...

Забыто все ими казачье — святое —
Былая Свобода, заветы отцов,
Народ весь казачий, как племя родное,
С названием славным уже много веков!

Их рабские души пред силой смирились,
Привыкли к позору — кнуту и ярму...
С казачьею Волею и честью простились,
Им шкуру дороже спасать лишь свою...

Что может бесчестнее быть, забывая
Свободу, права все казачьи свои,
И братьев своих в кабалу призывая,
Что мы-де дети единой Руси?!

Да где же вся правда, скажите, лихие,
Что этих Иуд признают за вождей?
Что многие с ними, как будто слепые —
Без Воли, без права без чести своей?

Да думал ли тот, кто пошел за „вождями“,
О прошлой Свободе, о праве своем?
О том, что отцы и деды добывали,
Имели без русских в далеком былом?

Давали ль отчет себе эти слепые
О том, что Москва их насильно взяла,
О том, что еще и до царства России
Казачья Свобода на поле жила?..

Как жаль, что потомки о предках забыли.
О Чести, о Воле, о Праве былом
И вы покорно пред Русью склонили
И крохи собирают, как псы под столом!

Подумайте, братья, умом шевельните —
Великая-ль честь быть Руси холуем?
По чести, по совести всей посудите —
Ну быть казаку ли еще москалем?

Держайте-ж все те, что когда-то согнули
Истины и выи пред Русью свои!
Держайте, как много уж ныне дерзнуло —
Жить вновь, как в былом, без Москвы!

Наш призыв.

Многоуважаемый станичник!

Напечатайте в нашем уважаемом журнале наше обращение к казакам, колеблющимся и еще не ставшим под Вольно-Казачье Знамя.

Братья Казаки!!!

Двенадцать лет прошло, как мы здесь за границей. Двенадцать лет мучительных и тяжелых, вдали от милых и родных краев, в разлуке с семьями и близкими родными.

Что делаем и сделали за этот срок мы — вольные от русско-большевицкой власти — успевшие уйти из-под кровавого московско-большевицкого лаптя?

Что сделали мы за этот срок для избавления своих краев от красно-сатанинской власти?

Чем помогли своим родным избавиться от голода, расстрелов, от ссылок в чуждые края, творимых красными пришельцами над Казачеством?

Имеем ли право мы делиться здесь на партии, искать виновного в прошедших неудачах в то время, когда там, за красною чертой, насилуют сестру, повесили отца, а мать ведут к расстрелу?

Что сделал Атаман за этот долгий срок?

— Устроил новогодний бал в великолепном двухэтажном ресторане.

— А казаки, а Войсковая Старшина?

— Переругавшись меж собою в часы досуга, сидят по разным кабакам и пьют за здравия...

— Кого?

— Кто за Кирилла-царя, кто за Российский общевинный Союз, кто за Краснова, а кто и просто за Казачий осрамившийся Союз, запутавшийся между Миллером и Милоковым.

Позор и срам — забывшим честь казачью и распылившимся по партиям чужим.

Что партии российские сулят нам, казакам?

Одни — пожизненную службу и верность чуждым нам вождям; другие — потеснение в своих родных краях и равенство с общероссийским лаптем; а третьи, как мы видим, искоренение с лица земли всего Казачества...

— Так что ж мы ищем, чего мы ждем?

Там кровь казачья льется из-под ножей московских палачей... Пора опомниться, проснуться и, поза-

бывши все раздоры, имея в сердце своем лишь любовь к Казачеству и к своему родному краю, собраться всем во всеединный круг и там решить, храня заветы прадедов и дедов, кому быть Атаманом, кому быть Старшиной; а остальным — слотиться воедино, стать на казачий шлях и все уменье, знанье, средства употребить на избавление своих родных краев — не дать Казачеству погибнуть.

А всем опекунам, не подчинившимся веленьям Круга сказать: „Не смей — умолкни. Прочь руки от Казачества лихого“.

За группу вольных казаков в С.-Клемен
Андрей Кареев, хор. Лепешкин.

Противникам Вольного Казачества.

Эх, жизнь ты моя, зачем родился я в такую беду, что непридешь к уму! Загнала меня судьбина в чужую страну, а теперь скитаешься, ненужен никому, —

Через мать Россию...

Одолела скука меня по чужим углам скитаться... Подойдет старость, чем я буду питаться?.. Время летит. Года идут. Родного Края невидать... Еще придется поскитаться и надо к нужде привыкать —

Через В. Атаманов...

Когда то гулял по чистым полям на своем донском коне, а теперь я в изгнании и не видать коня нигде... Прошло не малое время. Жены, сына не вчать, и, может быть, придется на чужбине умирать —

Через мать Россию...

Залит кровью Край Казачий, осеротели курганы и поля. Плачет племя все казачье, плачет старушка мать моя...

Шумело море степовое, гордились степью казаки, а теперь одни идут на самоубийство, другие пошли в холопы и батраки —

Через В. Атаманов...

Эй, неделимцы-казаки, русских подхвостники-батраки! Слышите ли родной плач, как казнит русский палач?.. Но, скоро умолкнут все стоны и отойдет батрачество, а возродится Казачество

Через Вольных Казаков!..

И тогда я увижу сына милого через И. Билого...

Емельян Кочетов.

Августов, 1933.

Из прессы о голоде.

...„Хлеба в стране в текущем году было достаточно, чтобы скудно, но все же прокормить население, но политика власти predeterminedила такое распределение хлеба, при котором голодное вымирание некоторых слоев стало неизбежным... Собранный хлеб государство употребило согласно основным планам своей политики: на пайковое пропитание рабочих и служащих города, на вывоз за-границу для получения валюты и на создание запасов на случай войны“... („Социалистический Вестник“, 25 августа 1933, № 14—15).

... „Голод... теперь несомненно острее, чем был в 1921 году. Это несколько не мешает советскому правительству вывозить из страны хлеб.

Положение значительно осложняется тем, что официально власти голода не признают. Не существует никакой организации, которая оказывала бы помощь населению, или хотя бы только убирала тела умирающих с голода людей“... (Вымиравшая Кубань. Впечатления иностранца. „П. Н.“ 29 августа с. г. № 4542).

... „Власти, как раньше, так и теперь, голода не признают и даже официально его отрицают...

Возможно, что вымирание казачьего населения представляет явление даже желательное для советского правительства...

... В Кубанскую область предполагается переселить крестьян из Воронежской губернии...“ (Немецкий ученый о голоде в СССР. „П. Н.“ 22 августа с. г. № 4535).

... „Мы, в Москве, оказывается, не представляем себе его (голода) размеров и силы...“

(„Знамя России“, № 1, май 1933, стр. 15.).

П е ч а т ь.

Казачий вопрос в Итальянской прессе.

В прошлом номере „ВК“ мы уже сообщали о появлении в Римской газете „Corriere Diplomatico e Consolare“ большой статьи по казачьему вопросу д-ра Enrico Insabato. Приводим ниже содержание этой вообще интересной для казачьего дела статьи. Из содержания ее казаки увидят, что казачий вопрос входит понемногу в сферу международного общения, с одной стороны, с другой — что есть чужие для нас люди, которые думают о казачьих стремлениях гораздо лучше, чем некоторые казаки русофильского толка.

„Среди народов, говорит уважаемый автор, которые стоят перед лицом истории и требуют места среди свободных наций, есть казаки — смелый народ, богатый славой и традициями, добивающийся создания Казаккии, т. е. федерации шести Войск или областей, населенных казаками.

Это движение... заслуживает внимания, потому что оно является выразителем желаний почти 12 милл. населения и конкретного стремления основать государство на территории между Каспийским и Черным морем, между Украиной и Кавказом...

Во время русской революции сформировались две казачьи республики — Дон и Кубань, но политические деятели Англии и Франции, которые быть может и не знали всей важности казачьей проблемы и мало слыхали о казаках и их стремлениях, не обратили внимания на движение Дона и Кубани, оказав помощь белым армиям Деникина и Врангеля, которые, не будучи в состоянии добиться осуществления собственной цели, навлекли на Казачьи Земли поток большевицких репрессий“...

Отвечая далее на вопрос, кто же это казаки? — д-р Инсабато пишет:

„Казаки принадлежат к старому славянскому племени, которое жило на юго-востоке Европы, и в настоящее время составляют этническую группу, имеющую собственные обычаи и культуру, отличающие их от других славянских племен Востока“...

Сделав далее экскурсию в древнюю историю, перейдя через времена татарского нашествия, автор отмечает создание двух больших казачьих республик — Донской и Запорожской, разгромленных последовательно Петром и Екатериной. По замечанию автора

„царское правительство... стремилось к полному покорению казаков, а революционная Россия преследует ту же цель, высылая казаков в Сибирь и другие места в большом количестве и переселяя на казачьи территории русских крестьян“...

Ставя далее вопрос: необходимо ли на самом деле образование Казаккии, автор отвечает на него утвердительно,

„даже если программа казачьих патриотов не сможет быть вполне реализована в случае распада теперешней Р. С. Ф. С. Р. или другой ее организации“...

Следующие потом данные о составе населения Казачьих Земель, их территории, ее характере, равно как и о ее естественных богатствах, свидетельствуют о хорошем знакомстве д-ра Инсабато с трактуемым им вопросом.

Продолжая, уважаемый автор пишет:

„Казаки всегда мечтали о своей независимости и всегда за нее боролись. В 1917 году... вся воля этого народа была направлена к реализации национальных стремлений и им уже казалось, что время исполнения их уже наступило“...

Останавливаясь еще раз на роли внешних сил в поражении Казачества, автор переходит к казачьей эмиграции:

...„десятки тысяч казаков должны были идти в изгнание. Эти изгнанники и работают для Казакии.

Заграницей, продолжает автор, есть несколько казачьих политических группировок, но самой серьезной из них является движение Вольного Казачества, поставившее себе целью пропаганду идеи политической независимости Казачества и создания казачьего государства. Вольное Казачество хочет, чтобы Казакия составила из федерации шести Войск или казачьих областей — Дона, Кубани, Терека, Астрахани, Урала, Оренбурга и, кроме того, Калмыцкой области. Они, вольные казаки, ставят себе целью формулировать и энергично поддерживать стремления и идеи казаков, чтобы достигнуть осуществления и разрешения казачьего вопроса.

Политический и литературный журнал „В. К.“, выходящий два раза в месяц в Праге под редакцией инж. Билого, поддерживает эту программу и пропагандирует эти идеи.

Вольное Казачество имеет своих сторонников во многих европейских столицах и в Америке, ведет там через своих в.-к. пропаганду и поддерживается ими, в.-к. Вышло уже из печати много работ исторического и политического характера“...

Кончает свою статью д-р Инсабато так:

„Как было уже сказано в начале статьи... существует казачья проблема и существует также большое и серьезное движение, которое поставило себе целью разрешить эту проблему в смысле национальном.

Мы считаем... что нужно изучать объективно и внимательно следить за этим движением, которое может принять еще теперь не предвиденные размеры.

Проблемы юго-восточной Европы и Казачьих Земель представляют интерес для великих Европейских держав, да это и не может быть иначе, и нам кажется, что проблема Казачества и стремление его организовать большое государство Казакию должны быть приняты во внимание правительствами четырех западных держав на всякий случай, чтобы не повторить прошлых ошибок и не ставить препятствий для лучшего будущего.“

С большим удовлетворением отмечаем еще раз появление этой статьи, а автору ее, уважаемому д-ру Enrico Insabato, выражаем самые искренние чувства благодарности за честный и правдивый подход к Казачьему Вопросу.

Вольным казакам в Болгарии.

По всем вопросам организационного характера вольным казакам в Болгарии надлежит обращаться к члену Малого Круга В. К. Павлу Назарьевичу Кудинову (Александрово-Га-ра, Видинско).

Ввиду затруднений, связанных с пересылкою денег из Болгарии, настоящим предлагаем подписчикам в Болгарии пересылать ему же, П. Н. Кудинову, и подписку на журнал „В. К.“

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от Ф. И. Коркишко (из Фр.) 39 кч. 30 г., от В. И. Крыштопы (из Фр.) 13 кч. 10 г., от А. Ильинова 39 кч.

В Белграде.

30 июля, по случаю 225 летия со дня смерти Донского Атамана К. А. Булавина, Белградская Общеказачья Студенческая Станица устроила коммеморацию. Помещение станицы было украшено огромным портретом национального казачьего героя. Портрет изображает борца за казачью независимость в последний момент, когда Атаман, окруженный со всех сторон москвичами, готовился покончить с собой. Над портретом Булавина красовался национальный флаг Казакии, а внизу знамя Булавинской станицы Донского Кадетско-Корпуса с надписью: „Поклялись мы в жизни нашей за Казачество итти“. В середине знамени изображен щит с булавою и бунчуком, связанными буквами К. Б.

На собрании были сделаны два доклада: Окружного Атамана В. К. Округа П. С. Полякова, который нарисовал картину Казачества в эпоху от русской царицы Софии до последних дней Булавина и доклад станичного писаря Б. О. К. С. С. И. И. Александрина — „По следам казачьей истории“, где строго в хронологическом порядке указал этапы борьбы за казачью самостоятельность, а вместе с тем и напомнил те ошибки Казачества, которые повлекли за собой целый ряд несчасть для него же.

„... Если выдадим одного, так Москва нас всех по одному растащит“, — сказал Сирко, Атаман Запорожский. „Интересы Казачества поставим выше всего и только им будем служить, а для этого все казаки должны объединиться, лишь тогда только можно надеяться и быть уверенным в достижении свободы Казачества“, закончил свою речь И. И. Александрин.

(Соб. кор.).

В Дижоне.

Милостивый Государь,
Господин Редактор!

Трудами и заботами сотника Безгласного Дижонская казачья станица организована и существует с 1929 года. Сперва, ввиду неясности положения, были также приглашены и русские, сочувствующие Казачеству. Но, уже через год в станице начало образовываться два течения, одно чисто казачье и другое, тянувшее в сторону русских. Атаман станицы, некто Варлашкин (донской казак), тянул в сторону „матушки Рассей“. Лучшие казаки начали выходить из станицы, не желая следовать этому течению. Когда станица очутилась почти что в безвыходном положении (какая же это станица — без казаков), сотник Безгласный, выбранный для спасения положения, был вынужден отказаться от „помощи“ „сочувствующих москалей“, и на общем собрании, на основании ст. 6, все, не вносившие членских взносов более 6 месяцев, были исключены. Как и следовало ожидать, это и были те „сочувствующие“, которые свое сочувствие выражали лишь тем, что вносили разногласию.

Станица, очищенная от нежелательного элемента, сразу же установила дружеские взгляды на политику Вольно-Казачьего движения. Будучи убежденным самостоятельным, Яков Безгласный решил подготовить почву казачьей программе, т. е. Казачьи Земли для казаков, а Россия для русских. Не все смогли сразу понять, куда именно Атаман направляет свою стрелу. Безгласный, списавшись с редакцией журнала „Вольное Казачество“, красочно выяснил свой взгляд на одном из общих собраний. Ярko обрисовал картину старого прошлого Казачества и настоящий момент нашего бытия в эмиграции. Станичники поняли, что Я. Безгласный действительно истинный сын Казачества и решили следовать по намеченному им пути. Связь с центром В. К. ста-

новилась все теснее, сперва письменная, а затем, по случаю приезда А. К. Ленинова в Дижон, и личная.

Г. Ленинов приехал в Дижон в 5 ч. вечера и был встречен атаманом при выходе с вокзала. Познакомив его с некоторыми станичниками, казаки направились в зал собрания. Дружеская и оживленная беседа велась до 12 ч. вечера. Станичники, обменивались своими взглядами и мнениями, укреплялись в истинно казачьем духе. Незаметно пришло время, когда пришлось расставаться. В 12 час. ночи казаки проводили г. Ленинова на вокзал, взяв с него обещание навестить их еще раз и на более долгий срок.

На другой день станичники, присутствовавшие на докладе Ленинова, посвятили тех, кто не мог придти на собрание из за работы, о сути доклада.

Станичный писарь Ив. Золотарев.

Доклад А. К. Ленинова в Сансе.

В воскресенье 13-го августа в ресторане Сан-Клемена „Ренессанс“ состоялся доклад А. К. Ленинова на тему: „Тернистый путь Казачества“. Доклад собрал около двух десятков казаков.

Докладчик в сжатой, но красочной форме нарисовал картину тернистого пути Казачества, начиная с Петровского времени по настоящий момент. Постепенное урезывание прав и вольностей, постепенное, но планомерное расказачивание и обескровление Казачества, проводившееся центральной русской властью, все это вместе взятое, побудило Казачество придумать над своим будущим и искать новых путей для спасения самого себя, чтобы окончательно не исчезнуть „в составе Российского Государства“.

Доклад был выслушан внимательно и аудитория, несмотря на то, что были здесь и противники вольно-казачьего движения, была побеждена докладчиком, его историческими фактами и выводами, подтверждаемыми документальными данными.

При окончании доклада, который длился более 2-х часов, докладчик прочел письмо, полученное одним из присутствовавших от лица, близко стоящего ныне к „власти“. Содержание письма с аттестацией Главы Правительства и б. Казачьего Союза окончательно поразило аудиторию...

Окончив доклад, докладчик предложил несогласным или интересующимся чем либо задавать вопросы, но среди присутствовавших противников оппонентов не нашлось. Да и что они могли возразить против правды? Ведь весь доклад был — крик изболевшейся казачьей души по гибнущему Казачеству. Каждый казак, присутствовавший на докладе, не мог не согласиться с историческими фактами и документами. И противники вольно-казачьего движения разошлись с доклада с понурыми головами...

А сколько было разговоров накануне, сколько было угроз: „да мы, да я, да мы не дадим ему сказать ни слова, мы его своими вопросами припрем к стенке“ и т. п. А получилось наоборот, и все эти горячие противники или не явились (что, побоялись правду услышать?), а те, которые присутствовали, были окончательно поражены, увидев перед собою молодого истинного патриота-казака, любящего свой край родной превыше всего.

Да, господа, не в силе Бог, а в правде, и хотя вас много, а нас пока еще здесь мало, но правда на нашей стороне, и вы эту правду на докладе сами слышали и с ней согласились, ибо из вас никто против этой правды не посмел возразить.

После доклада вольные казаки во главе с уважаемым докладчиком отправились на обед. Обед в семейной обстановке прошел весьма оживленно. Вспоминали родные края, совместную службу, бои... начались пожелания, тосты... полилась казачья песня... Сердечное спасибо многоуважаемому Александру Константиновичу за его доклад, затронувший больные струны казачьей души. Дай Бог, чтобы тот под'ем, который создал он среди нас, не покидал нас ни на минуту и

чтобы мы, вернувшись в свои освобожденные края, принесли бы туда тот дух и спайку, какие царили у нас 13 августа... Надеемся, что глубокоуважаемый докладчик и в будущем не забудет о нас и будет посещать с целью знакомства нас с историческим прошлым Казачества, ибо, как говорится, „Своя рубашка ближе к телу“, а нам Казачество прежде всего и дороже всего. А то вот забыли было про Казачество, пошли спасать кого-то и очутились за границей у разбитого корыта.

(Соб. кор.).

В Париже.

В „Пос. Нов.“ № 4535 под заголовком „Казачий Союз“ казаки читали: ... „27 августа в 15 час., в помещении Р. С. Х. Д. (10 бул. Монпарнас), временное правление Каз. Союза устраивает доклад генерального секретаря Союза проф. А. П. Маркова, на тему: „Задачи казачьего объединения. Вход свободный“. Но в № 4539 тех же „П. Н.“ под заголовком „К сведению казаков“ можно было прочитать уже не о докладе, как раньше было сказано, а о лекции: „Завтра Казачий Союз устраивает лекцию ген. секретаря союза, проф. А. П. Маркова, на тему: „Задачи казачьего объединения“. В той же газете („П. Н.“ № 4540) в отделе „Лекций и собраний“ снова читаем, что речь идет не о лекции, а о докладе: „Казачий Союз. Доклад А. П. Маркова „Задачи казачьего объединения 10, бул. Монпарнас (Метро Дюрок)“.

Идем на доклад и получаем первые сведения, что прения по поводу доклада не будут допущены. Вольные казаки послали „ходока“ к г. Маркову для выяснений вопроса. Г. Марков опровергает последние сведения газеты и заявляет, что он будет читать не доклад, а лекцию. Не верится. Идем во двор помещения и на углу здания читаем: „Доклад А. П. Маркова“...

Настоящие данные приведены мною для того, чтобы в будущем нас не обманывали так, как обманули в данном случае.

Председательствующий, он же Председатель нового К. Союза, делает вступление.

Содокладчик полк. Кочетов сказал: ...„Мы должны проснуться и раскататься“...

Проф. Марков начал с того, что: „Я вчера просмотрел речь М. П. Богаевского. Покойный говорил, что нам, казакам, не верели и не верят“...

Пускаясь в экскурсию за доверчивой казачьей душой, он развивает далее свою мысль о государственной способности казака и всего Казачества. Г. Марков сказал: „Неверующие очень часто обращались к казакам. Так было в старое время, так было и в дни революции“... Продолжая углубляться „за верою“ он подчеркивает, что казаки имели „собственный государственный правопорядок“. Расположив доверчивую душу наивных казаков и, как бы желая проверить доверчивость, он произносит: „Может быть Новочеркасск и Екатеринодар снова будут пристанищем для русских“... Но тут казачье сердце не выдержало иронической насмешки со стороны г. Маркова и в задней половине собрания слышится ропот, переходящий в открытое недовольство. Г. Марков, утирая пот, призывает казаков к спокойствию, но ропот не утихает. Председатель в вежливой форме просит казаков дать говорить докладчику. Собрание успокаивается.

Переходя к сепаратизму, он делает экскурсию по всем направлениям казачьей Конституции и произносит: „Самостоятельность всколыхнула и разбросала казачью массу“. И после патетически вопрошает: „Кто, господа, виноват?“ „Нет свободных Родных Краев! „Нет России!“ „Мы совершаем перед нашими Краями величайшее преступление“. И, наконец, бросает: „Вот, если будет Казакция, то пойду на Кубань“.

Дальше, г. Марков признается, что он противник Казакии“. Но потом говорит тихо: „Может быть придется пережить временный самостоятельный период“...

Делая несколько шагов вперед, г. Марков обращается к задней части аудитории: „Я подаю руку самостоятельным“... Жест руки — рука повисла в воздухе. Из задней части аудитории раздаются голоса: „Не нужно вашей руки!“ „Поздно вздумали подавать руку!“

Желая очевидно „уколоть“ казаков националистов, г. Марков явно хватается не за голову, а за хвост событий и бросает „укор“ казакам: „Когда Казачество гибнет, неужели вы станете на нашем пути к объединению?“ На этом придется остановиться и напомнить г. Маркову, что прежде чем делать укеры тем или иным казакам, надо было бы ему разбираться события гибели Казачества, начиная не с хвоста, каким является его доклад, устроенный 27 августа 1933 года, а обратиться к голове событий, т. е. к 1917, 1918, 1919 и 1920 г.г. В те годы Казачество истекало кровью и гибло по вине очковтирателей, но личность г. Маркова в эти кровавые дни для Казачества нам, казакам, была не известна, а тем более забот со стороны Маркова мы, казаки, не видели. Во всяком случае, надо было бы г. Маркову обратиться к первым годам эмиграции, но и в эти годы работа г. Маркова нам не известна...

Отбрасывая кровавые годы гибели Казачества и первые годы эмиграции, мы, казаки, обратимся к тем годам, когда ген. Богаевский усыплял казачье сознание, проповедуя о „мудрости всемогущего времени“, которое, по словам Богаевского, должно работать за нас, казаков, на освобождение Казачества и за освобождение „кровой России“. Слова ген. Богаевского: „Живите мирно и дружно, спокойно работайте, казаки, и не теряйте крепкой веры в спасение России. Всемогущее время работает за нас. Оно мудро укажет нам час, когда мы сможем вернуться домой полноправными гражданами, без лишней крови и страданий“ (См. Информ. Листок от Об'ед. Совета Дона, Кубани и Террека № 11 от 10 марта 1925 г. стр. 9)... Вот и оказались прав п-к Кочетов, когда он на собрании сказал: „Мы должны проснуться и раскататься“... И право Вольное Казачество, что оно „всколыхнуло и разбросало“, по выражению г. Маркова, „казачью массу“, которая спала под предательским шопотом ген. Богаевского...

После своего доклада вызова оппонентов докладчик не принял, а председатель собравшимся сказал, что через 15 мин. в этом помещении начнется богослужение. Оказалось, что доклад был устроен в церковном доме.

Общее впечатление от задач казачьего объединения единородцев далеко не в пользу старо-новых „обединителей“. Да верят ли они сами своему началу, раз не дают казакам говорить... Как видно, „задачи казачьего объединения“ г. Маркова состоят в том, чтобы казаки несли свои франки за вход, а потом хлопали бы ушами и моргали глазами... (Соб. кор.)

В Галаце.

Многоуважаемый г. Редактор!

Не откажите в любезности поместить в нашем уважаемом журнале „В. К.“ нижеследующее:

В виду влившихся новых членов в вольноказачью группу, старые члены изъявили свое желание означенную группу переименовать в хутор и назвать его хутором Назаровым (в память расстрелянного большевиками выборного Донского Атамана ген. Назарова А. М.). Тут же были сделаны и новые выборы правления. Избранными оказались следующие лица: Хуторским Атаманом — А. К. Бабков, помощ. — ст. ур. И. К. Щегольков, писарем — Ю. Е. Сметанкин, казначеем — М. Д. Назаров. Доверенными: Е. М. Сметанкин и Н. З. Коренюгин. В ревизионную комиссию: М. Г. Сурочан и А. А. Сафронов.

Затем, обсудив вопрос безработицы и вместе с тем, приняв во внимание преклонные лета большинства членов хутора, добывающих с большим усилием себе кусок насущного хлеба, решили: уменьшить сумму самообложения кассы взаимопомощи с 20 на 15 лей с человека в месяц, из коих 5 лей ежемесячно должны отчисляться казначеем в особую сумму для отсылки их потом в фонд будущего Вольно-Казачьего съезда (Большой Круг).

Подписали: Хуторской атаман А. К. Бабков, помощник Игнат С. Щегольков, писарь Ю. Е. Сметанкин, казначей М. Д. Назаров. Доверенные: Е. М. Сметанкин, Н. З. Коренюгин. Ревизион. ком.: М. Г. Сурочан и А. А. Сафронов. 13 августа 1933 г.

Группа вольных казаков хутора Назарова в гор. Галаце (Румыния) во главе со своим атаман. А. К. Бабковым и его помощником И. К. Щегольковым (сидят посредине) шлет свой вольноказачий привет всем своим братьям вольным казакам в эмиграции и на Родине сущим.

К сведению казаков.

Многоуважаемый
Станичник Редактор!

Прошу не отказать в любезности поместить на страницах уважаемого Вашего журнала нижеследующее письмо, полученное мною от лица, стоящего ныне „у власти“, содержание которого считаю своим нравственным долгом довести до сведения всех казаков, как верящих еще своему „начальству“, так и избравших свой чисто казачий шлях, указанный Войсковым Кругом и Радой.

„Уважаемый Хорунжий!

...Относительно Мельникова я не могу писать Вам о слухах и разговорах, так как их надо подтверждать документами. Я утверждаю, что Мельников хотел продать, и вел об этом переговоры с иностранцами, документы, которые у него сохранились, как у должностного лица. Я в свое время имел с ним по этому поводу объяснение, доказывая ему, что эти документы нельзя считать его собственностью. С этим он не соглашался.

Этот факт общеизвестен.

Насколько к Мельникову отрицательное отношение казаков, об этом можете судить по одному тому, что при выборах Вр. Правления никто не только не голосовал за Мельникова, но никто не рискнул выставить его кандидатуры.

Полная безотчетность в расходовании средств по Казачьему Союзу, полное пренебрежение к казачьей общественности, привели к тому что Казачий Союз фактически давно рассыпался и держался лишь формально. Поддерживалась иллюзия, что он силен.

Все это было ложью.

Личное мое отношение к Мельникову отрицательное. Я, изучив его, пришел к выводу, что его нельзя подпускать ни к какому общественному делу.

Впрочем, он теперь стал банкиром...

Как будто бы не дело для председателя Войскового Правительства учреждать банки. Но его положение этому не только не помешало но... даже помогло. В этом когданибудь разберутся. Наше желание сей-час единственное: чтобы Мельников нам не мешал. К сожалению, он всеми мерами пакостит и старается чинить препятствия для развития работы преобразованного Казачьего Союза.

Средства для этого у него есть.

Он все таки продолжает состоять при Атамане...

Уважающий Вас... (Подпись).

— Не стану приводить своих комментариев к сему письму, ибо оно и так ясно и понятно. Только хочется спросить: что же нам остается делать, целовавшим Св. Крест и Евангелие и клятвенно обещавшим служить

верно и не лицемерно Всевеликому Войску Донскому — Своему Отечеству и Его законно выборному Атаману?

Ведь клятва это не шутка, не знаю как для кого, но для меня это так, и играть с нею нельзя. И вдруг явный уже для всех этот „господин“ Атаманом назначается быть представителем от Донского Войска в Высший Казачий Совет.

Что же это такое?

А Вр. Правл. ние К. Союза, для которого уже не секрет, что из себя представляет г. Мельников, собирается созывать Обще-казачий С'езд для об'единения всех казаков вокруг Атамана — правая рука которого этот „господин“.

Не пойму...

Казаки!! Прочтите это внимательно, вдумайтесь и скажите откровенно: не остается ли у вас в душе горького осадка обиды от всего этого? А мы им верили, шли за ними, потеряли все... А результат?

Уважающий Вас хор. Лепешкин.

Из Смедерево.

В редакцию журнала „В. К.“

Есть люди, которые органически не выдерживают мирной, тихой жизни; таким людям просто таки для жизненного существования, как воздух, необходимы скандалы, обманы, драки, кражи и все то, что у человека, даже с примитивным понятием о чести и порядочности, вызывает гадливое чувство и омерзение. Эти людишки разлагают вокруг себя все то, к чему только прикаснутся. Такие „людишки“ завелись и среди общества Смедеревской русской колонии, к великому огорчению большинства членов этого общества...

Людишки эти, чувствуя свою безответственность, до того обнаглели и распустились, что перешли уже всякие границы. Широкое поле „деятельности“ нашли себе эти господа в работе поношения существующих в Смедерево двух национальных организаций — Вольно-казачьей и Украинской, доброе имя которых не дает им покоя. Людей этих организаций, честно трудящихся, честно выполняющих принятые на себя обязанности, а к тому же страдающих за свой, поработанный такими же „людишками“, народ и пользующихся всяким вниманием среди местного общества, — людишки готовы передавить и перешли было к действию...

Борьба в течение нескольких лет, в которой „людишками“ допускались самые гнусные клеветнические доносы, ни к чему не привела. Правда восторжествовала и светом истины затмила зло, которое и должно было исчезнуть как нечистый злой дух перед Крестом Святым...

И вот эти злые людишки, видя свою беспомощ-

ность в борьбе с правдою националистов, с виду как будто присмирив, начинают подстрекать более глупых из своего круга, на преступления в борьбе с теми, кто не желает быть такими же, как они. Но и в этой борьбе темные силы оказались слабыми и, как последний акт этой борьбы, было то, что два казака кубанца, именующие себя „русскими казаками“, Александр Кошковаев и Василий Гордиенко, придя на празднество казаков-националистов, выхватили ножи и начали ими орудовать, вероятно думая этим скомпрометировать казаков-националистов; к счастью эти „герои“ с большой дороги да дремучих лесов успели ранить лишь одного человека, были схвачены и переданы в руки полиции вместе с их оружием культурной борьбы.

Имеющий быть суд установит мерку воздействия на этих двух несчастных, которые благодаря своей темноте, не могут разобратся в чьих руках они нисходятся игрушками и куда их ведут вожак; а к вожакам принадлежат: М. Пацапай (и фамилия выразительная!) и его ближайшие сотрудники полковник Ф. Гришин и Н. Тарасевич, при чем первый есть Бессарабский молдаванин, но считает, что ношение кубанки дает ему право именоваться казаком, ну а Белорусский мужик Тарасевич состоит в Наумовской казачьей станице потому, что казачество ненавидит и считает, что так ему удобнее с казаками бороться.

Но пока там суд да дело а наши „герои“ продолжают прославляться. В последние дни, сговорившись, уперли с местной державной фабрики вагонов, где один служит в канцелярии, а другой красильщиком, банку краски для окраски лодки Гришина. А случилось это весьма просто: Тарасевич краску упер из магазина и передал ее Гришину, а последний уже должен был постараться упереть ее дальше со двора фабрики, но и тут „героям“ не подвезло: у ворот сторож серб осгановил Гришина, осмотрел его и любезно сообщил, что краденого он не дозволит вынести из фабрики по долгу службы своей. Краденая краска была доставлена шефу фабрики, который распорядился произвести следствие и вероятно нашим „героям“ для своих разгулов придется искать других закоулков...

Что усугубляет всю эту мерзость, так это то, что Гришин именуется полковником генерального штаба и носит нагрудный знак Академии, хоть и кончил сокращенные курсы военной академии рабоче-крестьянской красной армии в 1918 году, да оттуда, вероятно, и вынес такое „геройское“ воспитание.

Сохрани нас, Боже, от таких общественников и запишем себе, на всякий случай, эти две фамилии, чтобы, когда понадобится, можно было о них справиться в „соответствующей“ картолке. Ведь может быть на самом деле ношение кубанки достаточно, чтобы в кубанцы затесаться.

Прошу редакцию не отказать дать место настоящему на страницах журнала „В. К.“, чтобы возможно шире оградить себя от проникновения к нам подобных господ.

Беспристрастный казак.

† Г. Е. Исаев.

14 августа с. г. после долгой и тяжелой болезни, умер казак Терского Войска, ст. Калиновской, Георгий Еремеевич Исаев.

Покойный окончил Владикавказский кадетский корпус и военное именован ген. Алексеева Кубанское училище. По окончанию училища был выпущен хорунжим в Терско-Астраханский полк в г. Ямболе (Болгария), откуда в 1923 году прибыл в Чехословакию для продления своего образования. Г. Е. поступил в сельско-хозяйственный институт в г. Брно на агрономический факультет.

Тяжелое материальное положение не дало ему возможности закончить нормально начатого образования. Жесткая жизнь принудила покойного искать средств к существованию и тем его академическую работу отодвинула на второй план.

С этой целью Георгий Еремеевич в 1928 г., как человек музыкально способный и обладающий хорошим голосом, поступает в Донской казачий хор имени Платова. С хором покойный побывал на всех континентах земного шара...

В одном из турне по южной Америке Георгий Еремеевич простудился и заболел воспалением легких. Болезнь осложнилась и Г. Е., по возвращению хора в Чехословакию остался в Брно для лечения. Здесь ему было предложено взять на себя руководство церковным хором чешской православной церкви св. Вацлава. Несмотря на плохое свое здоровье, покойный предложение принял. Сколько любви, сколько здоровья и энергии вложил покойный в дело постановки хора и что это ему стоило, знает все православное Брно.

Тяжела потеря такого человека, как Георгий Еремеевич Исаев, а нам, казакам, потеря эта тяжела вдвойне. Не так уж нас много, а в Брно он был нашей казачьей гордостью. Мы потеряли в лице Георгия Еремеевича брата и друга. Он был нашим учителем казачьей песни — он был регентом нашего вольноказачьего хора. Это он покорял и чаровал публику своими концертами на наших вольноказачьих вечерах.

Всегда скромный и благородный, признательный и гордый, он был истинным сыном казачьего народа. Любил и болел душой за свой измученный и распятый народ и ушел в могилу с любовью к нему...

Похоронили Георгия Еремеевича 16 августа на городском центральном кладбище и не одна казачья семья упала на его могилу. Гроб покойного был украшен казачьими флагами и венками. Еще одной казачьей могилкой больше, еще одним казаком стало меньше...

Спи, дорогой Жорж, в братской чешской земле спокойно. Приведет ли Бог вернуться нам домой, принесем туда и память о тебе...

М. Запорожец.

Два сообщения.

(На Дальнем Востоке).

В парижском „Возрождении“ (17 августа с. г. № 2998) напечатана информация о „Восточном Казачьем Союзе“ (подписанная И. Акулиным), существовавшим в Харбине с 1923 года, умершем и снова весной настоящего года воскресшем. Работа Союза протекает, конечно, „в полном контакте“ с местным отделом Русского Обще-Воинского Союза... — Это одно сообщение.

О другом читаем в Харбинской газете „Наша газета“, в номере 150 от 14 июня под заголовком „Гниющий Казак“. Вот это сообщение в несколько сокращенном виде:

„В „Нашей газете“ от 10 июня с. г. была помещена статья под названием „Ужас“, в которой фигурирует:

„На углу Мукденской и Модягоусской улиц, под открытым небом, на голой земле уже несколько дней в окружении собак и мусора, заживо разлагается инвалид Великой войны Забайкальский казак Иван Дюков, потерявший обе ноги на полях сражений“.

Как ни печально, но факт, что в 1928 году на улицах Харбина от голодной смерти умер Забайкальский казак Логинов; в 1933 году не жилец на белом свете второй казак — Забайкалец Дюков и все это происходит при наличии Войскового Правительства Забайкальского каз. войска, Забайкальской казачьей станицы, наконец, Забайкальского Землячества.

Средства у Забайкальцев должны быть, т. к. через руки их Войскового Атамана, уже в эмиграции, прошло несколько сот тысяч золотых рублей.

Наконец, существует в Харбине Дальневосточный союз казаков, имеющий приличную сумму денег для раздачи беднейшим казакам, которые пошли не по прямому назначению, а обращены в пользу союза.

Невольное возникает вопрос: для какой необходимости в эмиграции существуют и Войсковые Правительства и союзы?

Неужели для того, чтобы устраивать танцульки со сливаном, да под гармошку отплясывать „подгорную“?

— Так ли жили казаки в прошлом? Нет!...

Старый Сотник.

Правление, ревизионная комиссия, доверенные и представители районов станиц вольных казаков в Бухаресте.

Сидят (слева направо): А. Рыхлов (дон., ревиз. ком.), В. Кубанов (дон., ревиз. ком.), Я. Дулимов (дон., пом. ат.), А. Солдатов (дон., казн.), С. Маргушин (дон., ат. ст.), В. Дремачев (дон., писарь), М. Рышкин (дон., чл. пр.), И. Критский (куб. ревиз. ком.), А. Галкин (астр., предст. район.

Стоят (справа налево): И. Плетнев (дон. пр. района), Е. Деркунов (дон. дов.), В. Поляков (дон., чл. правл.), А. Насонов (калм., предст. район.), А. Алферов (тер., дов.), Г. Фролов (дон., дов.) и Н. Воробьев (дон., дов.).

В К а з а к и.

По советским газетам.

10 августа в „Молоте“ читаем: „Классовая слепота Староминских коммунистов приводит к срыву августовского плана хлебозаготовок“...

11 августа: „В Константиновском районе не ухватились за главное звено — жесточайшую проверку исполнения“...

„Минераловодский район сорвал установленный срок окончания косовицы колосовых“...

14 августа аршинными буквами: „Потеря темпов в августе — прямое повторение прошлогодних ошибок“...

„Свыше 2000 уборочных машин продолжает бездействовать в Миллеровском районе“...

15 августа: в Георгиевском районе „сотни центнеров хлеба гибнут у элеватора“...

21 августа аршинными буквами: „Северный Кавказ позорно отстал от Харьковщины в темпах хлебосдачи“...

22 августа: „Вместо удвоения темпов — Миллеровский район изо дня в день снижает вывоз хлеба на элеватор“...

24 августа: „В Вешках нет подлинной борьбы за сохранение урожая“...

„Павловский район повторяет ошибки прошлого года“...

27 августа: „Классовая слепота Отрадненских коммунистов приводит к огромным потерям урожая“...

30 августа: „Потеря темпов хлебосдачи в августе — ставит под удар годовов план“...

Что пишут большевики о Ростовском заводе „Сельмаш“, от которого Эрио пришел в очередной „восторг“.

В „М.“ 28 августа (т. е. накануне посещения г. Эрио Ростова) „речь идет о негодной системе работы“, ибо: „Партизанщина, отсутствие большевицкой самокритики — вот что привело Сельмаш к прoryву“. Под этим заголовком следует длинная статья:

Заканчиваемое краевой прокуратурой следствие о нарушениях советских законов на Сельмаше обладает исчерпывающими материалами для привлечения к судебной ответственности ряда руководящих и весьма ответственных работников из дирекции завода. Вместе с бюрократами, волокитчиками и творцами беззаконий большого и малого калибра, на скамье подсудимых должны оказаться гнилые методы канцелярско-бюрократического руководства, вся негодная система производственной работы завода.

Почему, вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям партии и правительства, могла безнаказанно, в течение ряда месяцев, на глазах у партийных и профессиональных организаций завода, продолжаться отгрузка сотен комбайнов без моторов и магнето?

Во-первых, потому, что многими ответственными людьми и зачастую коммунистами преступно игнорировались советские законы; во-вторых, потому, что бюрократически-канцелярские методы хозяйственного руководства оказались явно несовместимыми с осуществлением одного из основных требований, предъявляемых нашей социалистической промышленности, — ежедневно контролировать, учитывать каждый участок производства. Как раз учет и контроль на Сельмаше отсутствовали.

Недостаточная бдительность и слабая техническая квалификация контролеров приводят к тому, что с завода выпускают машины с бракованными деталями. Небрежная упаковка и особенно отгрузка приводит к потере в пути следования ряда деталей, позволяет их красть.

Немало облегчает возможность краж деталей в пути отсутствие на заводе единой формы упаковки. Большую роль в этом сыграла также засоренность упаковщиков классово-чуждым элементом и общее невнимание к этому участку работы со стороны хозяйственного и партийного руководства завода.

Казалось бы, что именно Сельмаш — новый завод-гигант, оборудованный совершеннейшими станками и машинами, призван показать пример всем предприятиям края в образцовой постановке дел учета и контроля, внедрения в среду заводского коллектива пролетарской, социалистической дисциплины труда. Но получилось наоборот. Расхлябанность, анархия, партизанщина, полнейшее пренебрежение к плану, к производственной программе, — вот что характерно для сельмашевских горе-руководителей. В мозги и практику в'елась и укоренилась вредная система работы штурмами, бесконечными рывками, кампаниями.

Если же мы присмотримся к работе завода за последние три года, то увидим, что пульс заводской работы порывист, скачкообразен. Два раза в год, в период посевной и уборочной кампаний, завод начинает лихо рвануть. Моментально увеличивается в цехах — расход в посевных, летом в уборочных — количество смен. Завод набухает срочно нанятыми, неподготовленными кадрами рабочих. Десятки бригад начинают перепрыскивать из менее важных цехов в более ответственные. В результате выпуск машин подкакивает — деся-

ков до сотен в день. Но последствия от такой „системы“ завод испытывает очень тяжелые. Растет брак, выбывают из строя десятки работавших с перегрузкой станков.

Ничем иным, как явным выражением партизанщины, наличием в среде большинства руководителей завода мелкобуржуазных навыков работы, приводящих к бестолковости, недисциплинированности и хаосу, — это назвать нельзя.

Разве не ясно, что именно такая система работы облегчала и создала условия для некомплектной отгрузки машин и для возмутительной волокиты с жалобами потребителей.

Именно в этом корень зла всего происходящего теперь на Сельмаше.

Поняли это руководители заводских организаций и, в первую голову, партийный комитет? Надо прямо сказать — не поняли. Наглядным подтверждением этому может служить решение парткома от 23 августа по поводу опубликованных в печати материалов.

В этом беззубом и поверхностном постановлении очень односторонне и не полно подтверждаются освещенные в печати факты. Но дальше этого партком не пошел. В решении совершенно не указывают причины, вызвавшие и некомплектную отгрузку машин, и волокиту с прохождением рекламаций. Духа большевизмской самокритики не чувствуется в этом документе. Из всех конкретных виновников партком сумел выяснить и указать на одного зам. директора по снабжению и сбыту Розина. Остальные нарушители законов были обойдены молчанием. Да и Розин указан мельком, без выводов, без квалификации.

По следам заводского руководства пошли и цеховые партячейки. В ЦУМ'е, правда, очень быстро развернулась проработка материалов, опубликованных в печати, но большевизмская самокритика оказалась и здесь в загоне. На собраниях и заседаниях говорили и указывали на ряд возмутительных фактов в работе цеха, в частности, в деле отгрузки и упаковки машин, в состоянии технического контроля. Но ни одной фамилии, ни одного конкретного виновника названо не было.

Возмутительно отношение к вскрытым на заводе фактам руководства партийной организации цеха комбайнов. Секретарь ячейки Минаев считает, что сейчас у него в цехе все обстоит благополучно, а потому с проработкой материалов „Правды“ он не спешит и пока занят подбором соответствующих фактов. Когда же будут найдены эти факты, самому Минаеву неизвестно.

На заводе нужна большая встряска!

Надо понять, что речь идет не об отдельном, вырванном факте, а о всей негодной канцелярско-бюрократической системе управления, порождающей партизанщину, расхлябанность и мелкобуржуазную распушенность.

„Как они живут и работают“.

В „М.“ от 23 июля с. г. напечатан очерк-фельетон некоего тов. Чилима под названием „Варится без соли“, характеризующий тамошнюю колхозную жизнь. Думаем, что прочитать такую „картинку“ будет интересно каждому казаку-эмигранту.

Итак:

Вязальницы второй бригады, усаживаясь обедать, ругали бригадира Акользина самыми тяжелыми словами:

— Опять обед без соли!

Каждая солила суп, доставая соль из своего узелка. Но „какая это соль, колы не прокипела, — сырая, бесполовая“.

Сеньгин, получив свою порцию супа, тихонько попросил:

— Граждане, кто бы мне дал маленько солыцы? Вы каждый день бываете в хуторе, а я тут прикрепленный, мне нельзя. Ужели-ж не дадите щепоточку?

— Сам лобаст бог подаст. Лежать под бочкой целый день — хорош ты и без соли!

Сеньгин мужественно принялся за отвратительно-пресное хлебо, даже улыбался при этом:

— Большевики не боятся трудностей — без соли, так без соли.

Откушавши, он занял единственное уютное место на стану — тень под бочкой, квадратный метр тени — это все, что палагается бригаде для отдыха.

— Почему же все-таки суп без соли?

— Нет ее во всем Лебяжьем! Не купили к уборочной, планом не предусмотрели. Теперь надо бы в Вешки съездить — некому, не на чем, люди, тягло заняты на уборочной и нехватает.

В бригаде Акользина из восьми налаженных косилок работают семь. Восьмая имеет тягло, не имеет погоньча и скидывальщика. Вязка снопов производится за шестью косилками — больше нет вязальщиц. Неподалеку от стана по маленьким полоскам бахчей маячит не менее десятка женских фигур. Они работают целый день, приходят к бригадной бочке пить воду и снова работают, не отдыхая в обеденный перерыв.

— Нельзя ли тех единоличниц завербовать, товарищ Акользин?

— Это не единоличницы — колхозницы — полют свои необошественные бахи.

— Так ты заberi оттуда хоть одну, поставь погоньчем, а Сеньгина скидывальщиком, пусти восьмую косилку.

— Не пойдут они на работу — одна больна, другой нездоровится. Сеньгина тоже нельзя сажать на косилку — он партприкрепленный, это не для работы, а для политики.

— Какую же он политику проводит в бригаде?

— Да никакую. Он беспартийный, его давно вычистили из партии, а теперь не хватает людей, так ему дали партийную должность.

Спать под бочкой и ничего не делать — это, выходит и есть „партийная должность“.

Кроме Сеньгина под бочкой, кроме колхозницы Калмыковой, что полет свою бахчу у самого табора бригады, вот уже около месяца не выходит на работу Кочетова Фекла, Бокова Татьяна. И еще десятки имен назвали вязальщицы. Что сделал бригадир. Что сделал „партприкрепленный“, чтобы мобилизовать их на работу?

Бригадиру некогда, он руководит бригадой, а Сеньгину невозможно идти в хутор — он же „прикрепленный“.

— Сельсовет обязан поштрафовать лодырей или вывести на работу.

Легкий на помине, вот он, сельсовет. По дороге навстречу нам скачет на жирной лошадке в хрустящем английском седле председатель Лебяжинского совета Глухов. У него вид победителя.

— Все население, все колхозники и единоличники, старые и молодые трудящиеся и „гайдамаки“ — все мобилизованы на прополочную, на уборочную, на сенокос. Сто процентов. Хаты под замком, — рапортует Глухов районным работникам и сам не нарадуется.

— Мобилизую, понимаешь? Согласно обязательно постановлению — все, как один...

Через полчаса выясняем — не мобилизовано ни одного человека. В Лебяжинском и других хуторах отсиживаются сотни трудоспособных и работоспособных. У колхоза стоят восемь косилок — нет рабочей силы, прорыв на сенокосе, провал на полке подсолнуха.

— Как же, товарищ Глухов?

— Я мобилизовал всех. А не идут, так... чего делаешь? Их ведь не найдешь, в глаза не увидишь.

По улице идет празднично разнаряженная группа парней-единоличников. Затеваеся свадьба: Мишка Зотьев с шаферами, сватями приехал из Елани в Лебяжинский к невесте. К вечеру намечена попойка. Единоличник Илья Максиев мобилизует колхозный молодежь. Единоличный план уборочной вступает в действие — женят они колхозный урожай.

Со степи к сельсовету колхозник Сергей Софьян гонит вора, пойманного на стрижке колосьев.

— Эх и ловим же мы их ловко! — оживает пред-совета, — у меня везде посты...

Он внезапно осекся. Сергей Софьян конвоировал.. уполномоченного сельсовета Александра Обоймакова.. давно замеченного и, наконец, изловленного на стрижке колосьев.

Еще не улегся гнев предсовета, как древняя старушка Авдотья Кривошлыкова пригнала в совет колхозника Василия Зеленькова.

— Прймайте вора.

В руках у старухи старинное, чуть ли не кремневое ружье.

Подоспели жалобщики из первой бригады: хотели они задержать единоличника Тихона Бокова.

— Едет Боков. Везет полвоза скошенной ржи. Откуда? Чья рожь?

Боков вынул из-под дерюги двустволку:

— Подойди поближе, колхозная сволочь, узнаешь, чья рожь! — Потом хлестнул по лошади и ускакал.

— „Гайдамаки“, — беспомощно ворчит предсовета Глухов.

За двое суток колхозники поймали восемь воров. Позвонили в Вешки, в РУМ. РУМ приказал взять подпистку о невыезде и отпустил на все четыре стороны.

Угрюмо приняли это распоряжение колхозники.

К вечеру в Лебяжинский приехал еще один единоличник — жених из Моховского. Из Вешенской приехал гармонист. В соседних хуторах наметилось до пяти свадеб. Никогда в истории этих хуторов не было свадеб в начале уборки. Повидимому, водкой начинается организованное наступление партизанов на колхозный урожай.

За час до заката с поля пришли домохозяйки, с ними молодежь, работающая на вязке и копнении.

* * *

Всю ночь совещались правленцы — где взять тягла, людей на уборочную, прополочную, сенокос.

— Коров бы мобилизовать!

— Конечно, можно коров.

Единодушное молчание. Больше о коровах не говорили.

— Удлинить рабочий день домохозяек?

Вопрос замялся, как пустяковый, нестойкий.

Домохозяек на уборочной занято 150—170 чел. Работают они полдня, много — две трети дня.

Весенний опыт забыт. Во всех десяти бригадах, включая бригаду „250“ Табушницова, нет никаких таборов. Люди обязаны жить под бочкой и слушать массово-разъяснительное молчание беспартийных партприкрепленных, вроде Сенгина!

Что известно правлению о невыходящих на работу? Сколько их? Кто они? Некогда заниматься выяснением, лучше думать — „где изыскать!“

И опять глаза на предсовета. И со всякой категоричностью:

— Мобилизовать. Вовлечь единоличников. Принять решительные меры, применять штрафы.

— Есть такое дело! — бодрствуя сквозь сон, обещает Глухов.

Игра в темную. Никакого учета людей, никаких планов — что имеет колхоз, что нужно. Агропланы-наряды в свое время были написаны полеводом и бухгалтером без ведома бригад, без ведома бригадиров. До сих пор эти липовые письма, никем не читанные, лежат под замками в сундучках учетчиков. Не только эти планы — весь финансово-производительный план колхоза в свое время смаху был намалеван агрономом Богатыревым и утвержден Вешенским райЗО. Сочинение это, видимо, писалось вдали от колхоза, ничуть оно не похоже на Лебяжинский колхоз. Так же состриган севооборот — безграмотная, вредная путаница. Никто не учил колхоз планировать. Спросите любой план — есть. Дадут дохлую бумажку, никогда не предназначавшуюся для нужд самого колхоза. В шкафу должен быть документ „на случай, если кто спросит“.

В разворот косовицы нет планов ее, нет плана обмолота, сдачи зерна. Готова молотилка, готов локобель, но ни одна из бригад не берет их — „силов нехватает“.

На утро предсовета гарцовал победно.

— Оштрафовал десять „гайдамаков“, двадцать пять пошли на прополочную вместе с честными колхозниками. Вопрос с рабсилью улажен. Руководит группой избач — секретарь комсомольской ячейки Илья Афанасьев.

— Даже Илья вышел?

— Вышел. Сдвиг!

Афанасьев вывел группу на поле, указал участок и лег спать. Через три часа его разбудили полотьшицы.

— Либо становись на работу, либо убирайся к черту, не разлагай массу, лодырь!

Афанасьев сладко потянулся.

— На физическую работу? Не имеете права. Я избач, за это получаю жалованье. За полку вы мне не прибавите!

— Но ведь ты секретарь..

— За это мне никто не платит.

Колхозники выгнали его с поля. Обратились к его матери, работавшей тут же.

— Женила бы ты, Лизавета, своего дурошлепа, может образумился бы.

— Сама думала женить, да он говорит — невесту надо ученую, образованную, не какую-нибудь грязную колхозницу. Не за тем, говорит, я в партию шел, чтобы грязную работу делать и баба мне, чтобы была чистая, тилегентная.

Прогнанный польщиками „тилегент“ Афанасьев побрел в хутор, переделался в белый костюм, в модную феску, раздобыл верховую лошадь и, грациозно помахивая плеткой, поехал по степи. Никто нигде не ждет этого паразита. Мало кто знает, что в колхозе 30 комсомольцев и сами они не знают этого.

Изба-читальня закрыта с самой весны, в бригадах ни книги, ни газеты, ни стенгазеты, ни доски показателей, ни звука о соревновании и ударничестве. Нет комсомола. Партячейка — три человека, если считать Афанасьева. Кохозники совершенно не знакомы с важнейшими указаниями ЦК. Крайкома, райкома относительно уборки, порядка зернопоставок.

Все же основная масса колхозников, мирясь с безобразной организацией труда, мирясь с супом без соли, работает дружно, выполняет, перевыполняет нормы. Только потери огромны, потери дедовские, если не больше, о них внутри колхоза не разговаривают — дело обычное!

Бесплановость, стихийность, неорганизованность, самотек — вот основные недостатки Лебяжинского колхоза им. Буденного на уборке! А это — один из лучших в Вешенском районе колхозов, не обслуживаемых МТС. Колхозники его в числе первых намечают притти к зажиточной жизни (13 кгр. не меньше!). Они кипят готовностью стать зажиточными. Но это — кипение супа без соли. Большевицкие черты колхоз приобретет, получив крепкое партийное руководство, деловую и постоянную помощь района!

Вешки.

„Колхозный быт“.

(„Рассказ“ т. Соколова. „Молот“ от 22 августа с. г.).

Старо-минской делегации, приехавшей в Ейск для проверки соцдоговора, в райисполкоме посоветовали посидеть два-три дня в старо-щербиновских колхозах:

— Это у нас самая прорывная станица. Находится под особым наблюдением.

В Старо-Щербиновке приезд делегатов кое-кого из руководителей колхозов несколько озадачил. О соцдоговоре Ейска со Старо-Минской успели забыть.

— Какие делегаты, какой договор?

Потом вспомнили и тут же посоветовали поехать в бригады колхоза „14 лет Октября“. В колхозе было созвано открытое собрание партячейки. Докладывал секретарь ячейки т. Колыхалов. Позорным показателям уборки он нашел только одно объяснение.

— Не с кем работать. Малярия все бригады уполонинила.

Малярия всему делу вина — доводы большинства выслуплены.

А когда начальник политотдела МТС т. Шелухин разоблачил „малярийные“ разговоры, как антипартийную попытку некоторых коммунистов замаскировать действительные причины невыполнения постановления Крайкома и Краисполкома от 22 июля, кое-кому это не по-

правилось. Особенно не понравилось парторгу первой бригады Архиповой, когда ей указали, что в ее бригаде, дело меньше всего в малярии, а в том что она, Архипова, не сумела организовать борьбу с авариями на молотилках и на комбайнах, не понравилось настолько, что она не могла удержаться от реплики.

— Отсюда видно с партийным билетом не уйдешь! Демобилизационные кулацкие настроения просочились и выше. Директор МТС т. Гришин в последнем докладе на бюро райкома партии больше всего ссылался на малярию.

14 августа с раннего утра шел дождь. Колхозники 4-й бригады попрыгали по шалашам и от скуки грызли огурцы. Около передвижного кооперативного ларька скачут бригадир Ярошенко, конюх Елисеенко, весовщик Маслов. В двадцати шагах по валкам яровой пшеницы пасутся кони. Добравшись до пшеничного хлеба, тридцать лошадей терпят валки, вминают их в разбухшую от дождя землю.

— Мне по валкам велел пасти конюх Елисеенко, — объясняет 15-летний пастух Недилько старо-минскому делегату т. Черкашину.

Елисеенко придумывает, как бы ему вывернуться. — Я велел ему пасти не по валкам, а промеж валков.

Около молотильного электрического агрегата лежит огромная куча половы с зерном, приготовленной для провеивания, куча от дождя ничем не прикрыта.

— Ты решение Крайкома и Крайисполкома, от 22 июля и содоговор с нами знаешь? — спрашивают делегаты бригадира.

— Договора не знаю, а решение прочитал. Однако за всем не усмотришь, да и людей нет — малярия замучила.

Колхозницы, освоившись с делегатами, жаловались на то, что много здоровых сказываются больными и уходят в станицу. Из бригады в один день ушли: Крикун Ефросиния, Савченко Мария, Полянская Мария и Кононенко Иван. Об этих лодырях руководители бригады ничего не знают или делают вид, что не знают.

Из шалаша третьей бригады, лежа на животе лениво ковчуря в зубах соломянками, выглядывают трое. Против шалаша, около весов, два вороха пшеницы немилосердно поливает дождь. По мнению Ромашка, одного из лежебоков, — это „лучший способ“ сохранить хлеб от дождя.

— Сверху на два-три пальца промочит, а сквозь эту корку вода дальше не пойдет.

Такой же способ хранения хлеба практикуют руководители первой бригады. Около молотилки первой бригады — два огромных вороха непровеянного хлеба. Вороха ничем не прикрыты. Здесь расходятся в мнениях с Ромашком только вот в чем: по Ромашку, лучше держать под дождем чистый, провеянный хлеб, а по ихнему, наоборот, непровеянный.

Колхозница Прицепа недовольна обедами в бригаде. Она лучшая копнильщица давно уже не кушала другой горячей пищи, кроме капусты, сваренной в воде, иногда без соли. И не только одна Прицепа выражает неудовольствие. Все, кто честно, по-ударному работают, недовольны плохим питанием и тем, что кушают из одного котла с лодырями.

Главный организатор этого котла в колхозе „14 лет Октября“, завхоз Дикусаренко. На огородах уйма бураков, луку, моркови, гибнут помидоры. В бригады доставляется только капуста. Два дня бригады сидели без хлеба, несколько дней им не доставлялось соли.

Завхоз докладывает делегатам:

— 13 августа я отправил в степь 5 килограмм растительного масла.

— Есть у вас документы, что масло в бригадах действительно получено?

Припертый к стене Дикусаренко заюлил:

— То было не масло, а сыроватка.

Врет, и сыроватки он не посылал.

Дикусаренко тоже жалется на малярию. Малярия ему мешает, как следует снабжать полевые бригады. Его самого с 6 до 7 часов вечера треплет лихорадка. А остального времени ему нехватает, чтобы управиться с делами.

На 15 августа в колхозе „14 лет Октября“ в валках лежало 1157 га и большая половина колосовой площади. Обмолочено 166 га — 7,5 процента. Из намолоченных 900 центнеров государству сдано 621 центн. — 15 процентов июльско-августовского плана. Таково же положение и в других старо-щербиновских колхозах. Таков позорный итог „малярийных“ разговоров, которыми маскируются неумение, а иногда и саботаж правильной организации работы, особенно на комбайнах и на электромолотбе. Малярией оправдывается беспотолковая переброска из бригады в бригаду людей, обезличка на машинах, в уходе за тяглом, наконец, огромные потери.

Кулацкое охвостье, притаившиеся организаторы кулацкого саботажа, явно раздувают, преувеличивают размеры: малярии, одурачивают колхозников и руководителей колхозов, не разглядевших новых маневров классового врага. Кулак явно пытается воскресить саботажные настроения в бывшей черномосочной станице, сорвать уборку, организовать расхищение хлеба, не дать хлеб государству.

На самом деле больных малярией насчитывается не больше 10—12 человек в бригаде. Но и больные, добросовестные колхозники не уходят в станицу, а после часового — двухчасового приступа малярии выходят на работу. Бегут в станицу симулянты, лодыри. Поэтому и бригады пополнялись. В колхозе им. Яковлева сделан подсчет разоблачающей махинуции классового врага. С 17 июля по 14 августа по всему колхозу должно быть выработано 17794 трудодня. На самом деле, за это время выработано в полевых бригадах 8336 трудодней, а на подсобных, административно-хозяйственных 5440 трудодней. Оказывается малярия тревожит только работающих в поле и не касается околачивающихся в станице.

Под шумок „малярийных“ разговоров, кулацкое охвостье делает свое грязное дело. Во второй транспортной бригаде в трактор Кривошапки попадает гайка: трактор вышел из строя. В третьей бригаде колхоза „14 лет Октября“, чуть не сгорел комбайн. Обездчик 2-й бригады колхоза им. Яковлева (брат осужденного на 10 лет вора), Марченко Алексей перемальывал ворованный хлеб дома на самодельной мельнице. Таких фактов можно насчитывать очень много. Но о них больше молчат, предпочитают разговоры о малярии.

В районе много говорят и пишут в районной газете о том, что Старо-Щербиновская под особым наблюдением. На самом деле, ни особого и никакого наблюдения нет. Одно слова! Нет помощи политотделу МТС квалифицированными партийными силами. Только 15 августа в станицу приехали 9 человек районного партактива в том числе заврайЗО т. Солдатов, предрайсовпрофа т. Левшин.

До этого в Старо-Щербиновской районный партактив представлялся одним тов. Кисловым — членом райКК-РКИ. А ведь колхозная ячейка, например, в колхозе „14 лет Октября“ насчитывается только 6 человек. Об этом в районе, кажется, должно бы быть известно!

Один отрывок из „М.“ от 23 августа с. г.

Над станицей торопило бежали обрывки туч. Тяжело дыша, парень остановил тачку и вытер рукавом пот. Тачка уткнулась носом в жирную грязь, как раз возле старухи. Парень сказал, чуть улыбувшись чудным своим мыслям:

— Опять плохо! Вези теперь ее, чорта, по грязи...

— Чей же этот хлеб сынок? — глаза старухи быстро, быстро обшарили поклажу — огромный мешок, свисающий до земли, наваленный сверху на два поменьше.

— Собственная моя, мамаша, кубанская пшеница. И по тому, как недоверчиво и завистливо сверкнули глаза старухи, решил, видимо, парень, что нужно объяснить до точности, как объяснял когда-то ему самому в полку политрук.

Так или иначе — требовалось передохнуть, предостояло преодолеть перекресток, отливавший зеленоватой мутью болота.

Парень сел на край тачки и, свертывая махорку, старался подобрать подходящие слова.

— Все в работе, от нее вся наша жизнь определяется, мамаша! И, ежели, которые до бедственного положения доходят, то такие либо контра, либо в понятие не хотят взять колхоз. Вот везу, допустим, свой заработок. А разве мне или другим бойцам легко было по весне замученную вашу худобу поднимать или волков пугать по сорнякам? Пойми, мамаша, девять килограмм хлеба на трудодень, а у меня трудодней может триста!

Увлечшись, парень не заметил, как поднялась старуха и пошла к речке, бормоча что-то себе под нос.

Задорно крикнул уже вслед:

— Все дугаете — затошим да затопим... Где вам, в чертях, нашу силу затопить!

Подумалось — одно раздражение, а не разговор! Парень резко рванул тачку и, режа жирные помти грязи, пошел напрямик через улицу...

(Действие происходит в станице Медведевской. Ред.).

Борьба за хлеб.

Отрывок из „постановления“ о хлебосдаче и обмо- лоте“ в „М.“ от 2 августа:

„Сводка хода сдачи хлеба государству и обмолота, особенно последняя пятидневка и также дополнитель- ный материал, полученный в результате личного объ- езда районов членами бюро Крайкома и президиума Крайисполкома, вызывает исключительную тревогу за успешное окончание уборки и своевременную сдачу хлеба государству.

Наряду с подлинно большевизской работой ряда районов, совхозов, МТС и колхозов, значительная часть районов, совхозов, МТС и колхозов своей позор- ной работой резко снижает результаты работы всего края, что привело к тому, что на 15-е августа сдано хлеба государству по обязательным поставкам и на- туроплате только 46 проц., обмолочено только 20 проц., при чем темпы обмолота за последнюю пяти- дневку снижаются, а по хлебосдаче происходит топта- ние на месте.

Райкомы и партийные организации этих районов недооценили сопротивления обмолоту и хлебосдаче, не сумели дать отпор кулацким попыткам затянуть обмо- лот и сорвать хлебозаготовку и не выполнили добро- совестно, побольшевицки указания Крайкома и Край- исполкома“...

Провал совхозов.

„Постановление“ „о совхозах“ (крупные советские хозяйства) в „М.“ от 22 августа:

1. За безобразное, небольшевицкое руководство совхозами, за дискредитацию утвержденного ЦК плана хлебосдачи по зерносовхозам при наличии всех воз- можностей к его выполнению, — директора Крайзер- нотреста тов. Катенева с работы снять и запретить в течение 2-х лет занимать руководящую хозяйственную, советскую и партийную работу.

2. Предупредить Уполнаркомсовхозов т. Матвеева, что, если он не обеспечит в ближайшие дни решитель- ного перелома в уборке и хлебосдаче зерносовхозов, будет поставлен вопрос об отстранении его от рабо- ты и о наложении партийных взысканий.

3. Считая, что директор зерносовхоза „Гигант“ т. Коско преступно сорвал уборку и сдачу хлеба в „Ги- ганте“ в результате непартийного отношения к вопро- сам руководства совхозом, — снять его с работы и за- претить занимать руководящую работу в совхозах.

Как они судят.

Информационное сообщение краевой прокуратуры и краевого суда в „М.“ от 23 августа:

В Колхозе им. Рогачева, ст. Величковской, Тима- шевского района, гражданин Карло, Трофим Николае- вич, служивший у белых, сын высланного кулака, бу- дучи закреплен косарем к косилке, систематически за- нимался вредительством. Сознательно срывал косбу в колхозе, выкашивая в день всего лишь $\frac{1}{4}$ га; разбил голову лошади, так что та была выведена из строя и, наконец, умышленно испортил косилку, сделав ее не- пригодной к работе. На суде неопровержимо установ- лено, что гр-н Карло свои вредительские действия совер- шал из классового ненависти к колхозному строи- тельству. Гр-н Карло, по закону от 7 августа, пригово- рен к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией и конфискацией имущества.

В Бекешевской МТС, Есентукского района, гр-н Сергиенко Ефим Денисович, руководитель ремонтом молотилок в МТС, ранее служивший в белой армии у генерала Шкуро, активный участник в восстании про- тив советской власти в 1920 году, с контрреволюцион- ной целью вредительски производил ремонт моло- тилок, в результате чего молотба колхозного хле- ба систематически срывалась; снимал годные части с молотилок, заменяя их негодными; похитил 15 пудов машинного масла. Гр-н Сергиенко за свою контррево- люционную деятельность приговорен к 10 годам лише- ния свободы по закону от 7 августа, с конфискацией имущества.

В колхозе им. Блюхера, ст. Марьяновки, Вор.-Алек- сандровского района, председатель колхоза гр-н Бур- мистров, по предварительному сговору с кладовщиком колхоза Болдыревым и др. должностными лицами кол- хоза, не сдав государству они одного килограмма зер- на, 18 центнеров засыпал в „черный амбар“, не про- ведя по книгам, с намерением расхищать засыпанное зерно. В процессе расследования было выявлено, что гр-н Бурмистров и в 1932 году занимался махинациями по укрывательству хлеба от государства и обманом колхозников, прибегая к подлогам и фиктивным доку- ментам. Гр-н Бурмистров осужден по закону от 7 ав- густа, как за расхищение социалистической собствен- ности, к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Соучастники также осуждены.

В колхозе „Водник“, Кеслеровского сельсовета, Гре- ческого р-на, гр-н Мелканов, бывш. чл. партии, пред- седатель колхоза, по предварительному сговору со сче- товодом того же колхоза Ованесовым, бывш. чл. пар- тии, ранее судимым за должностное преступление, в целях обмана государства и невыполнения зернопос- тавок, ссыпал в „черный амбар“ свыше 2 центн. зерна. Затем, чтобы иметь возможность перемолоть для сво- их личных нужд, составил подложные документы по обмолоту. Гр. гр. Мельканов, Ованесов по закону от 7 августа осуждены к 10 годам лишения свободы ка- ждый, с конфискацией имущества.

Розыск.

Джигит Николай Никиф. Са ф о н о в просит есаула Беасонова и каз. Ивана Леонова сообщить свой адрес, или отозваться лиц, кои знают их адрес (упомянутые находились в Алжире). Писать по адресу: M-r Sotnikoff, chez M-r Coussy à Veubrenet, C-ne Teyjat par Javerlhac (Dordogne) France.

Открыта подписка на 1933 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корону знамку, из-за границы
1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.